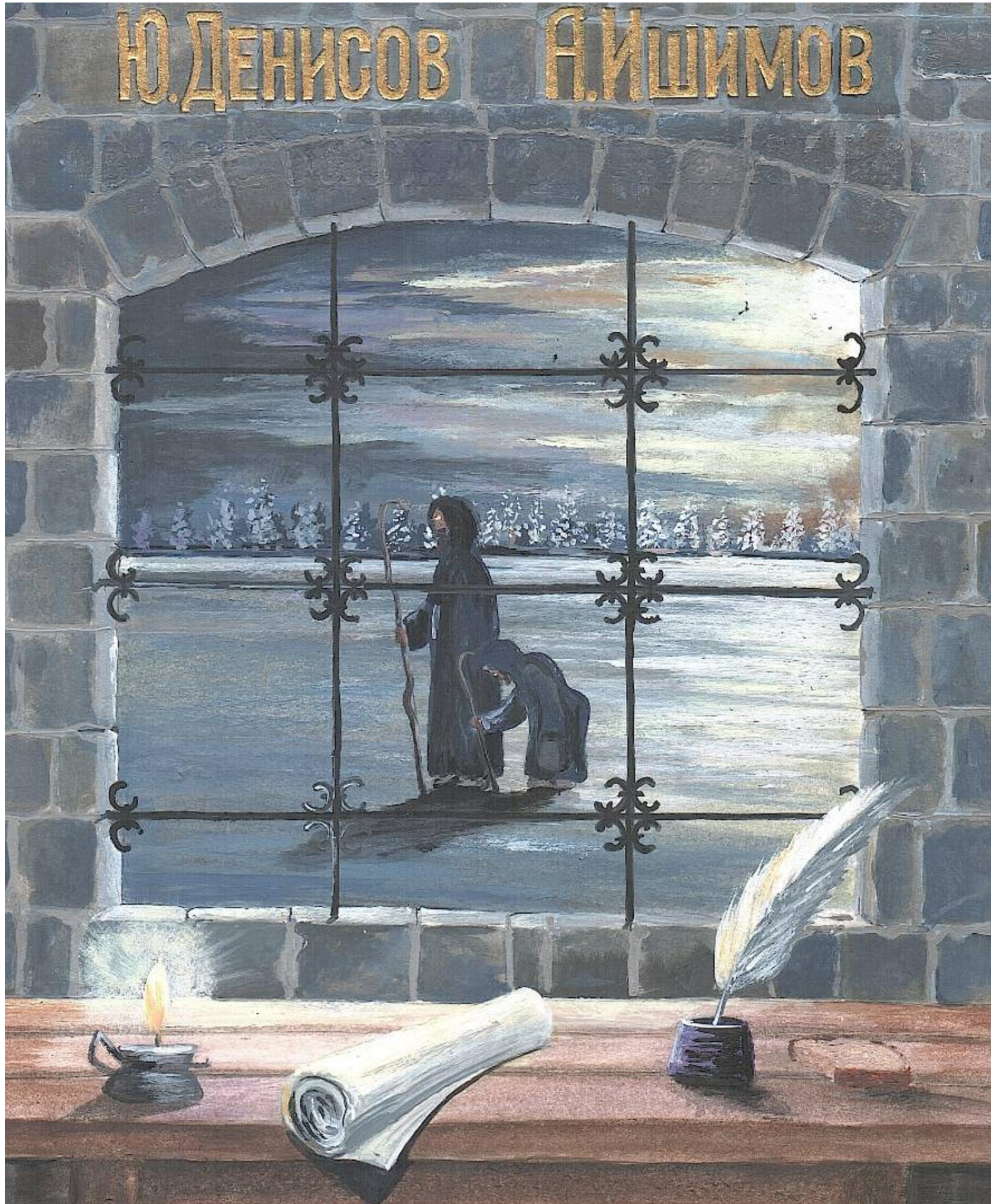

Ю. ДЕНИСОВ

А. ИШИМОВ

ПЕРВЫЙ ГОМУНКУЛ

«БЕССМЕРТНЫЙ ИЗГОЙ ТОМ I»

Юрий Денисов

**Первый гумункул
"Бессмертный изгой Том I"**

«Автор»

2026

Денисов Ю.

Первый гумункул "Бессмертный изгой Том I" / Ю. Денисов —
«Автор», 2026

Действие этого произведения начинается в Атлантиде, где в преддверии трагедии, Атлант первого гумункла, Верховного жреца, который должен как бы присматривать за развитием человечества. Но Жрец всеми силами пытается вернуться в родную обитель Атлантов, на звезду Сириус, так как, был создан из самой плоти Атланта. Жрец не может смириться со своей участью бессмертного изгоя Атлантов, и даже его антипод, созданный гумункул, Атлантом, из обычной гальки, приносит ему лишь вред и страдание... Здесь история персидского царя Кира, воевавшими с отважными греками, о царе Миносе, и о его Минотавре, о варваре Атилле, идущего на Рим, о кровожадном пирате Балтазаре, ставшим в последствии (Анти)папой Римским Иоанном XVIII, трепетные Библейские сюжеты, Наполеон, Гильотен, врач Месмер, Парацельс, Египет, Россия, Распутин, цари, Гитлер, Сталин, древняя мистика, колдуны и потомок Французского рода Флеров, с противостоящему злу священником Василием. Загадочные таинственные истории, войны, битвы!

© Денисов Ю., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Homunculus	7
ГЛАВА – 1	8
ВАШЕ – ЗЕМНОЕ! (ИСПЫТАНИЯ)	12
ГЛАВА-3	16
ГЛАВА – 4	22
ГЛАВА – 5	24
ГЛАВА – 6	31
ГЛАВА – 7	37
ГЛАВА – 8	41
ГЛАВА – 9	45
ГЛАВА – 10	48
ГЛАВА -11	52
ГЛАВА – 12	54
ГЛАВА – 13	57
ГЛАВА -14	59
ГЛАВА – 15	61
ГЛАВА – 16	63
ГЛАВА -17	64
ГЛАВА – 18	67
ГЛАВА – 19	68
ГЛАВА – 20	71
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Александр Ишимов, Юрий Денисов

Первый гумункул

"Бессмертный изгой Том I"

От автора:

Хочется надеяться многоуважаемый читатель, что эта книга не такая, которую прочёл и забросил, а такая, которую хочется перечитывать, ибо она содержит множество тайн, невероятных событий и приключений, и где мистика тех времён просто завораживает.

Я верю, что, читая книгу «Первый гумункул» вы погрузитесь в уникальный, в чём-то волшебный, страшноватый, но гипнотически затягивающий мир этого произведения.

Не буду утверждать, что эта книга достоверна и исторически точна, но многие события имели место быть, другие могли быть.

Истории, описанные в этой книге, тянутся из далёкой глубины веков и нет уж очевидцев, есть только исторические факты, которые удивительным образом вписались в это произведение.

Хочется верить, что любителей приключений ждут немыслимые приключения с невероятными сюжетами и персонажами. Любители страшенького, удовлетворяется высококлассной мистикой. Историков ждут невероятные повороты и объяснения событий, и интригующая версия истории о царе Миносе!

Любителей Воинских сражений ждут необычное описание оных.

Любители философии надеюсь насладятся разнообразием мудрости и печали.

Я обращаюсь к Вам геймеры, которые погружены в виртуальный мир, и к Вам, постоянные пользователи всевозможных соцсетей, прочтите, полистайте эту книгу, и я буду рад если вы погрузитесь в иной, - литературный мир, вы не пожалеете!

Но судить о книге только Вам!

Отзывы о книге и предложения пишите на электронный адрес: susanowskoe@mail.ru

ПРОЛОГ

...Я раб, я червь у ног Божьих, ибо я знаю очень мало, но всё-таки знаю, ибо Господь говорил мне!

И то, что я знаю, сведёт вас с ума, и посему говорю вам лишь то, что оставило меня в разуме, от остального Господь затыкал мне уши. Но и вам говорил Он не раз, но вы сами затыкали себе уши, и говорили друг другу – не может быть!

О многом умолчу и я, и может быть ваше сердце вместит слова мои, если бы даже вы сказали – и это ложь!..

Бытие гл 6 ст 1-4.

Когда люди начали умножаться на земле, и родились у них дочери, тогда сыны Божии увидели дочерей человеческих, что они красивы и брали их к себе в жёны, какую кто избрал...

...В то время были (не жили!) на земле исполины, особенно же с того времени, как сыны Божии стали входить к дочерям человеческим, и они стали рожать им: это сильные, издревле славные люди...

...И сказал Господь: истреблю с лица земли человеков... (стих – 7)

...Были; - камни, горы, тучи.

...Жили; - птицы, рыбы, змеи.

- И что же Вы этим хотите сказать? – «Были?»

- Именно! – Потому что Атланты имели бестелесную оболочку, и только с помощью людей, точнее дочерей их, они обретали плоть.

— Это интересно, нет это определённо интересно, ведь вы правы, в любом переводе Библии, именно «Были», но не «Жили».

- Ваша версия?

- Я не знаю! – Я имею лишь часть свитка, уже отрывки частей, хотя она очень близка к началу...

Homunculus

... И выйдут из глубины тьмы тысячи и тысячи существ, способных заполнить собой самые дальние уголки империи. Злобные, подобно диким гиенам жрущих падаль, безумные, подобно выучным животным, и бесконечные числом, словно саранча!..

... Да защитят небеса тайные знания,
Да не познают смертные их,
Ибо червоточина в спелом плоде
Окажется туннелем вечности,
А луна с ночного небосвода
Поместится на длани старца ...

ГЛАВА – 1

- НАЧАЛО -

... Море тёплое, лазурное море, может быть оно теплее самих облаков в сиянии летнего дня, нет не жаркое, а именно нежное сияние солнца, как теперь в бархатном периоде созревания самых сочных плодов побережья. Но синева! Синева средиземного моря на стыке бескрайних вод рождающая столько легенд, не есть ли это синева самых красивых глаз на свете, как напоминание нам о отцах паривших усилием воли над самыми высокими гребнями голубых волн...

... Черпая Божественную синеву волн, Йуоле посмотрел на Сульта.

- Как даль расставаться с этим безумным сиянием океана!

Сульт лишь кивнул головой в ответ и тихо, тихо, как поёт колибри в жарких объятиях сельвы Амазонки произнёс дуновением ветра, чуть качающего в небесной выси облако, белоснежного и лёгкого, как сама мечта.

- Но там может быть лучше!

- Лучше?! – Но обретшие тело всё-таки останутся здесь! – Чем они лучше нас! Выдохнул Йуоле.

- Нас? – Нас они не лучше, ибо их не берёт к себе Отец! Сульт вдруг брызнув волной устремился в облака и начал парить в небе разрывая почти бестелесной грудью пространство неба.

Он кружил над волной обгоняя большекрылых птиц, пугая еле заметной тенью косяки рыб, играющих в волнах и так же, как и он, они парили над бездной изумрудных вод, укрывающих дно океана.

Йуоле догнал его и они устремились в высь, выше и выше до границ перистых облаков, но потом Йуоле прервав стремительный полёт, указал перстом на сушу далеко через океан.

- Ты молчишь о Лунике! Сульт посмотрел на Йуоле, но тот словно не замечая его, едва прикоснулся к крылу птицы разбросавшей сень защиты над гнездом. Йуоле погладил птицу дуновением руки, касаясь пёстрых перьев.

- У тебя жжёт в груди? – тихо спросил Сульт.

- Но судьба Атлантиды решена! вновь добавил он.

- Почему нам не говорят, когда? Йуоле убрал руку от птицы.

— Это так важно? произнёс Сульт.

- Да! выдохнул Йуоле.

- Тогда идём! громко произнёс Сульт, в мгновение ока снова оказавшись на берегу между океаном и морем.

- Многие из нас обрели плоть! Йуоле посмотрел ещё раз на Сульта.

- Не смей даже думать об этом, ибо ты предашь Отца! Сульт сжал руку Йуоле.

- У меня нет сил терпеть! сдерживая потоки слов, шептал Йуоле.

- Ты Йуоле сын Войга, сын Отца! – Не смеешь предавать! грозно воскликнул Сульт, - Ибо обретший плоть родит плоть, духу же плоть не нужна, если только тем, кто умеет видеть плоть плотью! Сульт ткнул пальцем со своего гигантского роста в мир людей, тихо сеявших хлеб, вытирая пот с усталых лиц.

- И всё же, от чего мы не знаем когда? Йуоле умоляюще посмотрел на Сульта.

- Что бы в последний день не обрели плоть! грозно воскликнул Сульт.

- Но ведь мы можем помогать им, мы можем..., взмолился Йуоле.

- Я этого не знаю, но и мешать тебе не буду! Сульт положил руку на его плечо.

— Это правда? – Тогда я полечу к ней! воскликнул Йуоле.

- Торопись, ибо я знаю у тебя от неё сын! Йуоле выпучил от неожиданности глаза, - знал? опешил он.

- Почему знал, знаю и буду знать! улыбнулся Сульта.

- Тогда...!

- Постой! перебил его Сульта. И он взял отшлифованную морской волной гальку с берега моря в правую руку, а в левую, часть морской пены, синевы воздуха и...

- О, Боже! – Что ты делаешь? опешил Йуоле.

- Помогаю тебе! прошептал Сульта, и оторвав часть невидимой, но живой плоти, почти от самого сердца, зажал всё это в левой руке.

- Безумец! прошептал Йуоле.

- Или твой брат! ответил Сульта, разжимая руку.

Нечто* - воспарило в воздухе! Нечто – ожило и боролось за жизнь! Нечто – хотело жить! Нечто билось в облачке от плоти Атланта сына Бога! Нечто, воспарило к облакам.

- А это!? Йуоле посмотрел на гальку в правой руке Сульта.

— ЭтоСоро! улыбнулся тот.

- Просто галька? удивился Йуоле.

- Просто галька или Соро по-нашему, но они будут называть это земное! Сульта зашвырнул камень далеко в море...

...Утром Йуоле никак не мог выйти из шатра Луники.

Она умоляла его, она плакала, тыча ребёнком в самое сердце Йуоле, но он то оставался в шатре, то «отходил» на берег моря на сотни и тысячи километров на север, но вновь возвращался назад, прижимая сына к груди.

- Останься! стонал Луника, - Останови солнце, ты же можешь! – Пусть этот день длится вечно, разве тебе не под силу сделать один день, как тысячу? – Я умру без тебя! плакала она.

- Умри, прошептал Йуоле, и я воскрешу тебя, но не я твой Отец, и Он решает жить тебе или умереть!

- Но ведь это ты вошёл в шатёр мой, это ты ... разве я могла сопротивляться тебе? Луника от негодования сжала кулаки.

- О, люди, даже любя, вы готовы убить! горько вздохнул Йуоле.

- А сын, что будет с ним? она зажалась в самый угол шатра.

- Ты просишь благо себе, даже не спрося, что ожидает меня за послушание!

- Да будь ты проклят! взревела она, - Ты муж и ты должен страдать!

Нечто* - создал Верховного жреца.

- Мужчина и твой сын, значит и он по слову твоему будет страдать, ибо другая возопит к нему! – Так? Йуоле погладил сына по голове.

- Не смей прикасаться к моему ребёнку, бессердечный! Луника схватила сына, ребёнок, испугавшись крика заплакал, и та принялась истово качать его, стараясь успокоить.

- В нём плоть твоя! кричала она.

- И ты безжалостна к ней! – И при этом говоришь мне о любви? Йуоле пристально посмотрел на неё.

Луника открыла уже было рот, чтобы сказать ещё что-то, но в это время...

...Земля дрогнула, словно каменистая колея тропы под ногами человека, идущего вдоль пропасти бездны. Гул от хлопков крыльев тысяч и тысяч птиц, вспорхнувших в спасительное

небо одновременно чуя погибельную опасность, заглушил на миг шум моря, и оно, словно сопротивляясь забвению, ударило рёвом огромной волны о берег.

- Что это? воскликнули тысячи и тысячи глоток, приподнимая беззаботные головы к небу, из которого мелко, словно чуть плача от обиды, закапал дождь. Земля задрожала как грудь огромного гиганта, словно испытывала невероятное напряжение от натуги.

День сменял ночь, но земные судороги НЕ прекращались, всё земное имевшее дыхание в ноздрях своих, в смятении искало убежища, подобно несчастным застигнутым врасплох бушующем пламенем пожара, но не находя убежища падало ниц, словно прося прощения у самих трав, некогда цветущей земли.

Город с дивными постройками и золотыми холмами дворцов, огромного острова где-то посредине океана, с каждым содроганием земли мерк и опускался, теряя свою славу.

Напрасно огромного роста исполины метались по городу, то тут, то там укрепляя трескавшиеся мраморные стены домов, оград, многочисленных садов и парков, и просто дивной красоты зданий. «Земное», расплзаясь огромными трещинами рушилось при каждом вздохе земли.

Цари и стражи, слуги и чернь, одинаково внимая страх жались друг к другу, словно ища убежища в теле и духе сильного. Увы, некогда грозные и жестокие цари, теперь внимая страх слуг, жались к копьям стражников, словно те и были их богами, способные защитить их от гибели.

Стража безжалостно расталкивала древками копий всякого, кто приближался к Алтарю Верховного Храма, словно Боги не желали видеть народ свой, ни царей, ни нищих!

Золото* Храма, со звоном каталось по мраморному полу Святилища, срезая острыми гранями драгоценных камней гладь зеркального блеска пола.

Боги с грозными, но увы безразличными лицами золотых масок, взирали на некогда величественные стены рушившегося Храма. Казалось, что раньше исполины способные держать само небо, на могучих мускулистых плечах, теперь плакали от страха, а иные от бессилия! А иные от ненависти и боли разрубали острыми мечами лики золотых богов, словно мстя им за неминуемую погибель.

Иные, словно карлики, согнувшись в двое с диким смехом совали за пазуху золото храмов, как бы желая унести в подземное царство богатство суши.

Обретшие плоть проклинали её, ибо войти в небо им мешало золото или тяжесть земных грехов.

На шестой день суша вздрогнула так, словно огромные лёгкие земли наконец-то выбросили из своей плоти кровавые потоки огненных рек. Некогда величественный остров сам вздыбился над пучиной, подобный гигантскому мосту, идущему ниоткуда и ведущему в никуда. На мгновение он выпрямился, как ровное плато, и издав всепроникающий рёв ветра, начал погружаться в пучину, словно огромные волны разинув пасть океанской бездны поглощали его. Всё приближалось к концу!..

Золото* - чаши.

Белыми зарницами, сияющими в сумраке звёзд среди ясного неба, «тела» Атлантов устремились к звёздам, но только те, кто так и не обрёл плоть.

Они взмывали в небо со всех уголков земли, то тут, то там, вспыхивая искорками света устремившихся к небу, к созвездию Сириус.

Их было так много, что от их искр Сириус замерцал в ночи. Йуоле и Сульта взмывая в небо бросили тревожный взгляд на сушу, а там далеко под ними, на самом побережье океана, стояли исполины запрокинувшие головы к небу и наблюдавшие их полёт. Они сжимали сильными руками древки копий, одни с печалью во взоре провожали их, другие плакали едва

сдерживая себя от рыданий, но третьи, с яростью адовой злости вдруг бросали в них копья, пытаясь от злобы прервать их путь в небо...

И капал мелкий дождь, силясь сорваться в ливень, и небо ожидало последний полёт Атлантов, терпеливо и едва сдерживая гнев, копя в дальней лазури черные тучи отмщения....

И отныне эти «безбрежные» воды нарекутся смертными ОКЕАН АТЛАНТОВ*!..

...И бросая прощальный взгляд на трепетавшую землю Сульта воскликнул: - Я оставляю частичку себя, Вам, людям! – Да пройдет она путь земной во свидетельство очей наших, и вернется к нам блистающей искрой!

- Да будет так! Прошептал Йуоле...

Атлантический океан*

ГЛАВА -2

ВАШЕ – ЗЕМНОЕ! (ИСПЫТАНИЯ)

...И вот уж седина давно коснулась чёрной смоли волос моих, и я всё чаще стал подниматься на самую высокую гору, в который раз ожидая услышать решение СОВЕТА! И в который раз я восклицал самим небесам:

- Я прошёл ваше испытание!

А там, из раскрывшихся хлябей небес на него падали тысячи – тысяч бесконечно мокрых капель, словно само небо сдвинув хмурые брови пыталось скрыть от него, ту единственную и неповторимую Искру звезды Сириус, такую же недосыгаемую для него, как и понимание всего земного.

- Я ведь, так же вкушал муки и пытки, как и смертный может чтобы более понять их земное? – А может, что бы Вы видели моими глазами то, что Ваши глаза не смогли бы вынести, не ослепнув от ужаса?!

-Вы же прежде не видели столь тяжкого крика земли, недра которой разрывала огненная река бездны преисподней!

...И был я узником прикованным ко злобному камню подземелья, где солнца луч сквозь крохотную дыру появлялся на миг разрезая золотом света черноту мглы, и, вспоминал я, когда плоть моя была свободной, и помнила прохладу рек и цветущих полей, а сейчас словно в наказание за прошлое она воет от жгучих оков железа сжимающих мне запястья, перетирая кожу вен, вгрызаясь остриём кандалов, словно злобные твари в открытую кость!

И стоит уйти искрящемуся лучу жизни, как появляются они, злобные посланники преисподней, грызя мою плоть и запивая моей же кровью, крысы!

...И висел напротив другой узник, и был он молчалив, как хладный камень, к которому был прикован. И приходили к нему жрецы – отшельники, говоря:

- Покайся пред вождём и первым окажись у ног тирана целуя его тяжёлую поступь! И тогда милость коснётся сердца его, и сохранит он жизнь твою, оставив прикованным к камню навечно!

Но молчал узник!

И приходили к нему палачи, и жгли хворост под ним, пока тлен праха его не осел гарью на стены и мрак подземелья!

И вспомнил я предсмертный хрип его «Раскаянье касается души и сердца, когда тебя прощают, но не пытаются вечностью!»

...- Неужели, чтобы понять земное, вам надо было увидеть такое: Прикованных к стенам, висящих на цепях и кричащих от боли, и внимать их страданиям?

...- Там далеко, в глубине бесчисленных болот юго-восточной Азии, я сковал своё тело цепями раба!

-Я позволял этим земным жабам рвать мою плоть бичом, и возвращаясь в грязную, вонючую от нечистот яму, я находил свой кров...

Один из несчастных рабов бывший со мной, уложил меня на живот, и с нежностью девы прикоснулся дрожащими пальцами к моей спине!

И вдруг я почувствовал, как боль зажгла мои раны словно огонь, но то была соль человеческих слёз!

И тогда, он, касаясь губами ран моих начал выгрызать своими остатками раскрошенных кулаком надсмотрщика зубов, мерзких тварей, которые гнездились в моей плоти буграми ада на спине, чтобы моим телом вскармливать их омерзительное потомство!

Личинки болотных тварей хрустели на его зубах, он стонал от боли кровившихся зубов, а я выл от боли его укусов, но он выгрызал личинок мух из моей спины, не брезгуя смердящим тленом, и прижигал мою плоть ярко горящим, раздуваемым кровавыми губами углем, облегчая мои страдания!

...- Они погонят тебя на дальние болота! тихо прошептал раб.

- Но зачем?

- Там этих тварей, гнездящихся в наших спинах так много, что рабы сами подставляют спины под кнуты стражи, чтобы получить хоть какое-то облегчение!..

Эти бугры остались в памяти символом справедливости земной!

...И штурмовал я моря! В которых брызги волн омывали сам блеск звёзд, смывая с оных вековую пыль земли!

Наш корабль носился по волнам презирая бездну смерти! Мы орали от восторга, когда в нашу грудь врвалось свободное и пьянящее дыхание бескрайнего океана, вместо тухлого смрада подземелий и ям!

Мы рычали как тигры, презирая голос смерти, умноженный воем шторма соля и терзая наши сердца!

И вот однажды, предаваясь спокойствию штиля, наш корабль нарвался на встречный курс неизвестного нам судна.

Там вдали его косые паруса, чернея на горизонте закрывали от нас блеск пылающего солнца.

Мы бросили абордажные крюки в воздух и они, рассекая сталью синь, вонзились в борта странного судна, словно клыки зверя вгрызаясь в плоть жертвы. Мы потянули на себя канаты, и едва не брызнула к нам кровь с бортов чужого корабля, как из открытых ран зверя. И вдруг, в полнейшей тишине центр пламенеющего солнца в миг почернел и светотканная мантия солнечных лучей переплелась с чёрными лучами света, и вода вокруг кораблей забурилась и вспенилась кровавой пеной, а сверкнувшая на солнце молния ослепила нас яркостью, спустя миг, уже тишина давила уши, ибо команда стоящего рядом корабля болталась на реях!

Они висели в свете яркого солнца, словно корчась от боли, под тяжестью земных грехов.

- Пираты! тихо прошептал лоцман в самое ухо.

Мы смотрели на тела повешенных чьей-то безжалостной рукой, и узнавали в них себя!

— Вот Кирам, Альшатим! – А вот и ты. Пью!

- Конечно же. Пью, кто же ещё, вот же его сабля! наш избранный лоцман, крутя ошалело глазами осматривал тела повешенных.

Он видел сам своими глазами предсмертные муки несчастных, отыскивая в них себя! Себя! Вдруг кто-то воскликнул снизу.

- Смотрите, судно даёт крен!

Я побежал в низ, в трюм, по грязной немойтой лестнице судна, стараясь с горсткой отважных устранить течь.

...Но в трюмах было лишь золото! Золото топило корабль затягивая петли на глотках несчастных.

И мы решили оставить добычу покойным, не тронув золото мертвецов, и без того принявших немислимые мучения смерти!..

...Тогда мы поклялись, забирать у «сильных» золото, но не жизнь! Мы поклялись оставить надежду, ибо те, когда-то, заточившие нас в подземельях, не оставляли и луча свободы,

поэтому мы не такие как они, и даже милость из их рук, есть боль новых мучений, усиленная подвалами крепостных стен, была отвергнута заранее.

Но жизнь своих мучителей мы ценили выше своей, ибо они не знавшие бича получают бич преисподней за истерзанные на солнце спины рабов, закованных цепями!

Мы без жалости опустошили их карманы, начисто выметая трюмы галер и кораблей, в надежде увидеть остров, где мы бы могли начать новую жизнь, но не кровавыми руками писать законы на белых листах, ибо нет ничего более кровавого на свете, чем цвет желтеющего свитка с подписью тирана -ПОВЕСИТЬ-.

...Нас не принимала земля, океан так пленил нас радостью и любовью голубой волны, что сердца наши уж и не искали тверди земной!

Там, где нас принимала земля, мы вновь видели нищих, просящих монету на зелье, ибо хлеб не мог угасить муку завтрашнего дня, разбавленного голодом и холодом ночи.

Мы видели дворцы, из которых летел смех красавиц и приближенных к трону, растворяясь в тишине ночи криком воронья! Ибо ночью они травили друг друга вином, чтобы первыми оказаться у ног тирана, целуя его умощенные стопы.

Они жгли друг друга на кострах, обвиняя в колдовстве, о котором не имели и понятия. Они возносили на трон колдунов, нарекая их пророками! И торопливо рассовывали по карманам золото,обогрëнное кровью порабождённых племён...

И сердца наши принимал только океан, не знавший границ бездны и голубых небес, ибо и те и другие сливались на горизонте.

...И был я Царём!

Если кругом одни рабы, если я клал жизнь свою на алтарь победы, а раб не имеет положить на него и волос свой из-за страха, который и есть плоть раба!

Я клал не раз и не два голову свою на великую чашу весов «побед и поражений», и оставлял сердце своё на острие копья врага, молнией глаз своих останавливая последнее движение руки его!

И вновь клал голову одну, одну, одну! И не равна она волосу раба, ибо она, как и сердце у меня одно, а волос на голове раба тысячи! И поэтому Я Царь! Я! Не такой же смертный, но Царь!

И блистали купола золотом моим выше звёзд небесных, и склоняли под ними головы рабы и царьки рабов, и нищий и воин трепетали у врат царства моего, помня, чем платил Я Алтарю Победы, и как жалели они волос свой! Ибо не родство давало мне корону но Отвага, как не число воинов взвесила меня, но стойкость их и вера в меня, ибо не травила рука моя близких мне, не душила рука моя спящие уста, услаждая жаждущее сердце – Блеском трона! О нет, среди равных снискала удачу рука моя, ибо сердце ненавидело золото, а разум – тело, гоня его в самое пекло боя. И видели воины мои спину мою, когда мы покоряли города, и видели воины лицо моё, когда я восседал на троне поверженных, и штопал ведун раны мои первому. И трепетал лекарь от боли моей, и радовались воины от стойкости сердца моего! И охраняли воины прохладу рек владения моего, и пажи полей его, и пот лица трудящихся на них!

Но есть ли в этом утешение сердцу моему? О, если бы оно прежде было бы земным, если бы оно не пило из реки звёздного света, о если бы оно не слышало песнь падающих звёзд в бездны вселенной! Разве теперь, напивав тело моё сладостью полей земных воспарит ли оно в небо?

Не оковы ли запахи земные? Не путы ли пес ни красавиц рукам земным, если они теперь не «крыла»?

О, море земное, не ты ли капля от морей небесных? И нужно ли царство земное телу, некогда рождённому небом?

Я не нем, я не слеп, я не глух, но не слышу, не вижу и не говорю, когда в ночи ударил в купол сердца моего Свет Великого Сириуса! Ибо кто поймёт голос мой, земной?

И если земной плачет в объятиях отца своего, может ли молчать сердце, моё обнимая
Свет далёкой звезды, светящей в ночи северному морю! *

ГЛАВА-3 - ЛЮБОВЬ -

...И в золотой день я встретил её, словно обрёл ключи от небесных снов!

Я спросил её – Кто ты? Переходящее дуновение витающая искрой счастья? – Или птица, гонимая ветром?

- Я дочь неба ... хотя душа моя стала пленницей плоти, сжимаемая в моих изгибах, и хоть она жива, дышит и думает, но она не от плоти!

- Но что с твоей душой не так?

- Она страдает, она отдаётся плоти! И живя одними ощущениями и страстями, то впадает в гнев, то окунается в угар сладострастия, пока меня не постигнет глубокое безмолвие. В думах своих я теряюсь в высоте мыслей, пока тело не напомнит о себе властным призывом чувств!

- Душа словно не связана с телом, она ищет счастья и истины, а тело земного наслаждения.

... И сидя с ней тёплыми ночами мы видели Свет Сириуса, который проходя через земное делал всё прозрачным, и заставлял все миры светиться на небе волшебными светильниками в ночи, не давая тьме поглотить жизнь!

*Сириус самая яркая звезда северного полушария.

Когда я уходил она плакала небесной росой, и неповторимый аромат этих слёз пьянил, и моё сердце пламенело жадой неведомого чувства! Я дотрагивался до неё, как до истины в мире лжи!

Я познавал с ней частичку счастья в мире ненависти! Всё сияло в её глазах красотой и очарованием, она отдавалась жизни вбирая в себя все вибрации моих желаний!

Чудные улыбки и нежности сменялись экстазом любви и восторгами милосердия!

Но, моё грубое сознание и не совершенный язык тщетно пытаются передать те чувства, что я пережил, находясь рядом с ней!

Всем своим существом я чувствовал, что она не земная, но со временем, во след высочайшим восторгам чувств, приходила обыденность, и казалось, что огонь, от которого возгорались все чувства угасал, словно превращаясь в малую искру! Но лишь появлялась опасность потери, как вспыхивало пламя, с новой силой принося не только мучения, но и боль!

«И нашёл я, что горше смерти – женщина,
потому что она – сеть, и сердце её
силки, руки её – оковы». *
И я уловлен теперь ею!

...- Какая же всё-таки боль!

Кубаро** посмотрел в окно, где красавица, изгибаясь станом подобно змее искусительнице наполняла нежные ладони прохладной водой, бежавшей с самой высокой вершины Ара-рата.

- Больно, ибо болит то, что вовсе не может, не должно болеть, но болит, обжигая лицо жаром, заставляя трястись рукам, забирая сон, даже мысли, и всё время бьёт и бьёт словно молот кузнеца в грудь!

*Екклезиаст гл.7 ст 26

**Кубаро – земное имя Верховного жреца

Кубаро закрыл глаза, прошептал:

- И красит чёрные волосы, в белые пряди совсем не так как хочет разум!

- А ведь этот жар сердца и есть Любовь!?

- Любовь, любовь, любовь, земная мука, не знающая избавления!

- Наслаждение чем? – Мукой? – Но как же нелепо жить здесь на земле ни разу не испытав этой неги, она как прохлада путнику, под струями дождя, след радости, смеха лучей, иссушающих сушу для грешных, опалённых зноем пустыни... дождём как Милость небес! – Но!

- Смертные не в силах заглянуть даже за струи дождя! – Ибо их тела впитают «остриё» струи сыплющихся с небес, не более!

- Они понимают радость дождя, влаги, но отворотить полог не могут! – Облака ранящие слёзы, разве не выплыли некогда над землёй, разве не видели то, что творится под покровом крыш, замков и лачуг, разве облака не впитали в себя прелесть полей бескрайнего цветения трав! – Разве не видели распятых рабов на обочине дорог? – Разве слепы они облака, посланники самого неба, разве не пронзали их до боли, острые огненные стрелы Солнечных лучей, разве не бил их ветер о каменные вершины скал, разве не трепали их грозы над гладью Океанских вод, разве не молили их караваны жаждущие хотя бы капли воды, умирая истощённые телом от зноя и засухи пустыни.

- Облака! – О, облака, дающие влагу там, где душно от испарения болот, и льющие голубые слёзы там, где холодные ветры и без того студят тело. Молча проплывая там, где каждая песчинка воскликнет от зноя и сухости песка.

- Так повороти же свой взгляд смертный! – Загляни за пелену дождя, обойди кругом струи, вкуси сердцем и разумом тайну занавеси дождя, узнай почему тебе на темя каплет дождь, тебе, не желавшему того!

- И не дающего ни капли тысячам, молящихся об этом!

- А я! – Не я ли взлетел в небо рассекая пространство, не я ли заглядывал за занавесу воздуха, видя иной мир! – Там как в дрянном уличном балагане, отгородились стенами лазурного воздуха от вас земные, ибо ваши глаза не видят затылка, смотрящего вам в лицо, глаза не в силах разглядеть тока крови, питающего сердце, они слепы не видя парение души! – Они не видят даже боли в сердце матери утерявшего сына, если молчат её уста и тихо опущен взор её! – Вам ли видеть мир за занавесью звёзд? – Раз вы не видите мира за тонкой вуалью голубого воздуха во дне! – Но там живущие рядом порой за спинами вас, не более зрячи чем земные кроты! – Они глухи к боли, но питают чрево, они слепы к плачу, но жаждут свободы, они не знают пира, но жаждут ваших сердец, они сильнее вас, но тревожат вас только в ночи, словно трус боящихся во дне ударить сильного! – Они воспаряют в небо, но не ступают землёй. Удел их, горе для глаз земного, а смерть их счастье в глазах живых. – Но Вам Свет Сириуса, послал бы большей награды, если бы глаза ваши отворотились бы от золота, как занавес шатра отделяет спящих в нем от мрака и ужаса ночи!

- Я кружившийся вокруг солнечных лучей, я поднимающийся по иглам света до самого диска Солнца, вонзаясь в раскалённое ядро его, сметая саму истину «что есть ли на Солнце пятна», я делал их поволокой своего «чёрного плаща желания»! – Ибо хотел крикнуть вам оттуда, - смотрите и на Солнце есть пятна!

- Я зажигал на луне искры играя с вашим разумом, и вы смотрели на мои глаза с земли шепча друг другу от страха – вот дракон ударил хвостом по тверди небесного светила, и искры видны на бедном диске луны!

- И я смеялся над знанием «сильных» и утешая слабых, что знает ли земной наградив себя лаврами «умного», что есть истина?

- Я мчался в пространство растворяясь среди звёзд, на тысячи и тысячи искр и каждая сверкая отдельно знала, что она есть часть целого, и там внизу земля, в которой будет мне

приют, пока ОНИ не откроют мне занавес, и не опустится на землю зовущий свет Сириуса и я взлечу по нему туда, где ожидает меня ЖИЗНЬ!

- О, если теперешнее моё существование жизнь, то какова же жизнь в конце тоннеля ведущего светом на Сириус! – И я, собрав воедино все искры, возвращался в бездну вдыхать как гарь – копать цветов, вкушать как яд – прохладу рек, и адом мук – думать, как вы!

- Но они предложили мне большее испытание, ибо я перестал быть искрой, я перестал быть светом, меня сковала цепью муки – плоть!

- И казалось, не успев взлететь, я покинул звёзды, я оставил небо, ибо как кузнечнику не дано допрыгнуть до вершины гранитного холма, и я не могу более вкусить холодного света луны, играя на нём искрами глаз своих.

- Что я могу? – Я могу лишь отодвинуть занавесу облаков, я могу пройти по краю голубой кромки земного купола, я могу раскинуть руки в небо, но ноги мои не в силах покинуть проклятый купол голубых небес, цепью тела приковав меня к бесцветной кромке облаков, словно скорлупа хранящая яйца синью своей сковавшая на земле всё живое. – И там под белыми облаками нижнего края небес, живёте вы, думающие как выжить, вырывая хлеб друг у друга, думающие как помнить о грехах соседей, знающие как умертвить и тысячу тел, не способные воскресить и одного!

- И ОНИ заставили меня думать, как вы, надеяться, как вы, верить, как вы и любить как вы!

- Ваши мысли дали мне руки, ваши слёзы сделали мне сердце, ваша злоба сжала мои кулаки! – Но ваша ложь, не в силах дать мне забвения Сириуса, ибо я помню как я летал, я проникал в пучины вод земных озаряя искрой бездну и царство вечного мрака с косяками слепых тварей дивившихся мной, и я давал им света на их безобразные морды, но они светили друг другу пожирая плоть слабых меньших их! – Я озарял пучину светом, чтобы ползающие по дну твари, не пятились бы ниже, но искали путь к лагуне жемчужных вод! – Но, о нет, они при свете искры, с большей силой пожирали падаль, презрев жемчуг белоснежного песка голубой лагуны!

- Тогда я взлетал в жерло вулканов сиюсь остановить потоки огненных рек, рвущихся из недр земных к вашим городам, но города ковали столько железа, горя, горя тысячами горнов в жажде войн, что лава недр шептала мне: «- Пусти! Я иду к своим!»

- Я сокрушал горы и те плаваясь под взглядом глаз моих, спускали с вершин ледяные потоки струй, и те питали ваши поля и долины, а вы заливали их кровью убийств войны, за каменные замки, в подземелье которых только плесень и зловонье гниения, такое точно, как в ваших гробах!

- И вы разили меня в самое сердце стрелой с ядом, вы рожали сказочных дев, достойных величия неба, и колыхание их тел прекраснее чем мерцание звёзд в ночи.

- Всякий раз, едва сдерживая боль я бросал земное отвергая богатства, славу, и всякий раз молил СОВЕТ, забрать меня, ибо с вами я умираю от горя, ибо с вами во мне всё больше и больше плоти, и я уже знаю, что есть слёзы!

- СОВЕТ пощадил меня, не в вечности Сириуса, но в вечности земли.

- Я есть агнец их страдания, ибо они оставили здесь «себя», от тех кто «были», тем кто «живёт», меня как жертву за них, и егож, как зло среди вас.

- Вы примите «его» на рабство своё, укротив меня ядом земной любви, и Вы давшие мне тело, а значит и боль!

- Боль, разрывая грудь, ударяет в виски, и я не в силах укротить плоть, как бич рвёт спину раба, так и боль любви выжигает белым смоль волос.

- Сегодня я войду к ней в шатёр! – Как вор не в силах отказаться от золота, даже под страхом смерти, возьмёт его! – Войду и я!

- И расплата моя будет новая плоть на плоть и без того дающую муку. Но пламя груди жаждет дождя уст её, когда она скажет «ДА»!

- И если я вор, то внушу ей «ДА», если даже это последнее от них, и я потеряю этот дар, я последний раз коснусь её разума, а потом... Я стану среди вас, не в силах быть погребённый, но и не в силах летать, не в силах быть «посвящённым», но в силах знать, не в силах кружиться в Свете, но в силах лишь видеть свет, не в силах знать когда, лишь в силах быть званным ИМИ, пусть и на СОВЕТ... ТАКАЯ ТЕПЕРЬ ПЛОТЬ...

...Прикосновение её рук вбивали в былую лёгкость моей руки – плоть, как гвозди вбивает палач в руки несчастного, гвоздя его к дереву. Так она, меня к миру живых. Её губы затыкали уста мои, и дыхание её сковывало мои внутренности плотью, как реку сковывает лёд.

Его* - Соро

Мои уши слушая её голос не слышали более голос неба, стонов его и зова звёзд. Глаза мои впивались в её плоть и видели теперь мир её глазами, а сердце ударяя в такт её сердцу так же гоняло кровь, но не жизнь от сердца к разуму, искрой света! Лёгкостью облаков! Бурей океана! О нет, сердце моё теперь было просто бьющее, отталкивающее и вбирающее в себя кровь! Кровь! Но не небо, не глубины вселенского разума, не свет жизни далёких пространств, а кровь, без которой не живёт земная плоть! Душа ли в ней, жизнь ли в ней, и это ли Свет, если жизнь в конце концов станет тлен, а душа вознесётся в небо! Одно – земное, другое – небесное, а вместе – это муки Любви, и для этого я заточён в плоть. Ибо из меня не вышло «Были», я встану в ряды тех, кто «Жили», с той лишь разницей, что тлен мой не примет земля! Тайно, явно или с почестями, или с проклятиями, меня не укроет земля, меня не примет земное, но может небо, вознеся к звёздам ища утешение сердца их сияния, которое теперь горячо любя земное, я назову – холодными! Нет, не отвергая их, ибо среди них Сириус, но отвергая самого себя за любовь к плоти земли!

- Нежность! Вы знаете, что есть нежность? Ах да, земные, Вы думаете, что нежность – это когда один лепесток розы касается другого лепестка, цветущего выше, под нежным майским дуновением первого ветра с блистающим белоснежием вершины Альп. Этот ветер проносится по долинам из голубых фиалок и набрав аромата трав устремляется к ручью, черпать с чуть дрожащей глади небесной лазури отражённых облаков, а затем устремляется к розам охлаждаюсь под сенью алого сверкания заката. И это вы назовёте нежностью – земные!!!

Когда лунный свет растворится в просторах небесных, когда его сияние чуть коснётся края тьмы вселенской бездны, вдруг на встречу ему помчится светоч далёкой звезды, чтобы задержать малейшую искру света холодного лунного сияния, там они жмутся друг к другу, и светом звезды удерживает лунную искру на краю бездны зияющей вечности! Светоч сгорает сам, но побеждает бездну, и искра лунного света спадает на серебристый диск луны, словно капля росы встретившись с порывом ветра со слезой красавицы, капнувшей от весеннего ветерка на край лепестка, усыпанного бриллиантами капель первой росы мая! И я испытал эту нежность, когда искрой прежней моей души промчался в сиянии лунного света к бездне, и встретился словно грудью со светочем дальних звёзд, мерцающих в глубинах вселенной. О как приятен он, загадочный шёлк покрывала звёздного неба, лежащий тенью на диск луны, который и есть ложе для живущих и любящих среди бескрайних высот, которым не нужен блеклый дым облаков в вечном сиянии звёзд вселенной!

И блеснёт ли золото во тьме, если бы не сияние Солнца. И услышат ли влюблённые в землю, соловьиную трель лунной ночи, если бы небо отвергло Солнце?

Нежность земная, лишь луч Божественного Солнца бездонных небес Вселенной! Но теперь и Вы знаете, что есть АД, ибо АД ваше тело, которое ходит по тверди, в которое и погрузят сердце, трепещущее от нежности небес! Ибо это ваше – земное!..

... Он шёл по острию странного, непонятного не познанного луча света, бьющего ниоткуда, точнее за его спиной. Но Верховный жрец не смел обернуться назад, ибо его спина чувствовала взгляд!

Взгляд рассматривал его дрожавшую от напряжения спину, под чёрным развевающимся, словно на ветру, балахона.

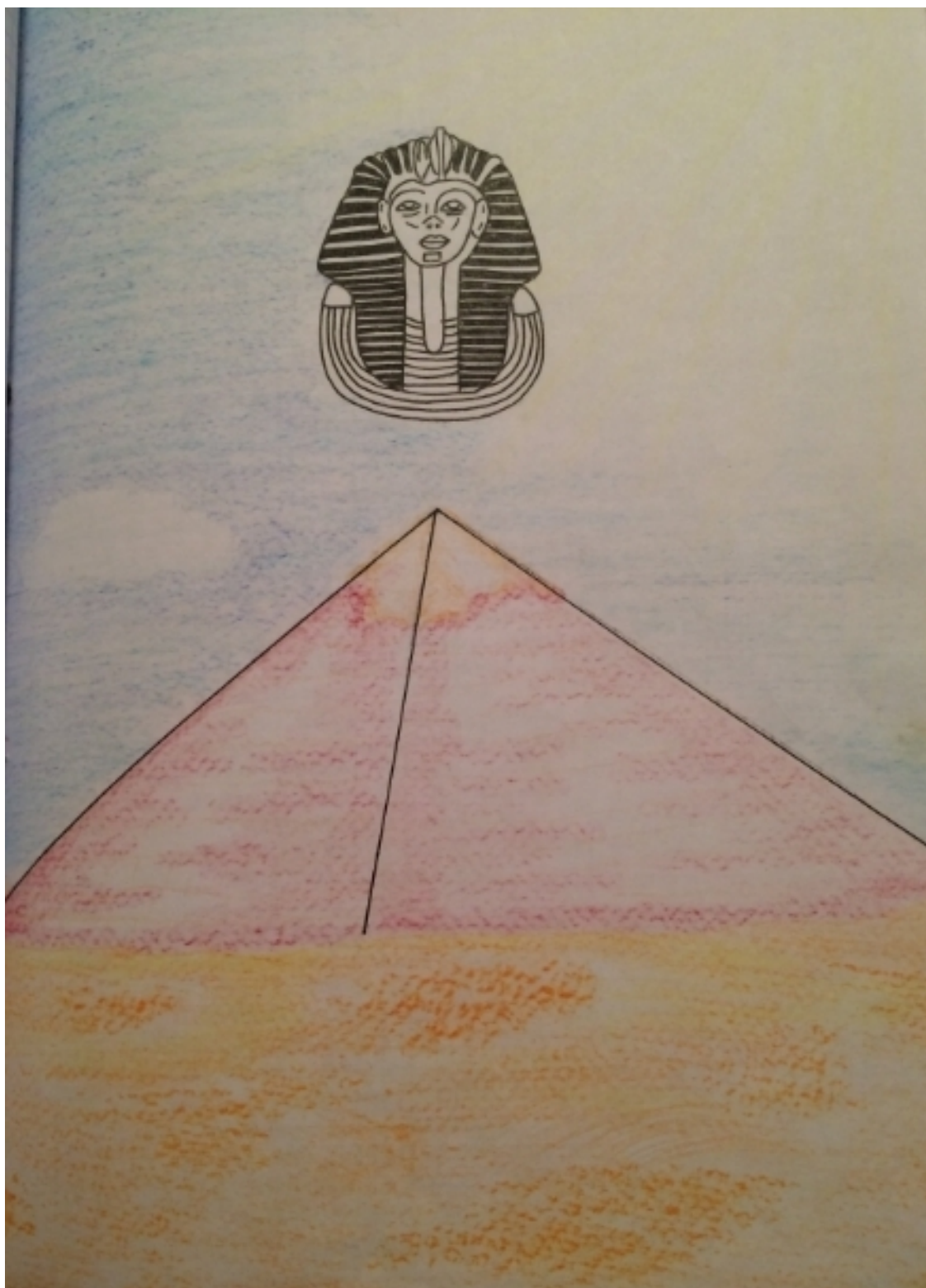
Но жрец шёл, отмеряя шаги невыносимой болью ожогов ступней ног так, что это порой ему напоминало раскалённый прут железа.

Он шёл на самый край луча, на самое его остриё, и в душе жреца билось два чувства! Он ненавидел себя за то, что теперь он земной, и боялся тех, кто соделал его таким.

Остриё луча упиралось в две бездны разделённые мраком вечности, ибо как ночное небо отражается в чёрной глади реки, вместе со всеми звёздами и луной, а луч, та тоска вогнанная в берег, и если шагнуть по ней, можно подняв голову видеть звёздное небо, но если опустить взгляд – тоже небо, те же звёзды, только в чёрных водах речной глади, и если прыгнуть в воду ощутив её холод, то можно погрузиться во свет звёзд, принявшего земную плоть!

Но в мире абсолюта, где доска это луч, а упасть в низ невозможно, ибо нет у космической бездны ни дна, ни выси, но выбор делать придётся всё равно, ибо рухнув в «реку» и земная река примет земное, либо раскинув руки воспарить к звёздам, где вселенная примет ли земное по вере твоей, или всё таки нет? Холод Света звёзд или жар без звёздных Светил глубин космоса, примет ли земное, земное имеющее жизнь в груди своей? Или раствориться в чёрных глубинах вселенной и есть жизнь? Истинная жизнь, не то, что в прохладе земных рек, где есть и мель, и засуха пустынь так же властной над рекой, а значит всем что в ней! А значит и над ним.

- Боги! 0 Кто исчерпает космос? И если я растворюсь в нём, значит и меня! И не единой ли частицей искрой света, увидев Сириус, не примет ли он такую малость для себя, и так много для меня, меня, жаждущего хотя бы малой искрой своей – Вечности!..

«Да не воззрит око Божие
дабы не коснулась тайн рука
человеков!»

ГЛАВА – 4

- ДАРИЙ –

Дымные клубы пожарищ сгоревшего поселения поднимались сквозь встающую румяную зарю горизонта, образовав в мглистом утреннем небе чёрные, зловещие облака, которые словно грозили всему живому, что день не настанет!

Строгий, словно из железа строй «бессмертных» войска персов, устремился какой-то неведомой фигурой страшного зверя, на ровные ряды стоявших греков.

Великий Дарий опустил указующий перст вытянутой руки и закрыв большие, обведённые чёрной сурьмой глаза, зашептал тихим голосом проклятья назойливым грекам: - «Аса балахимтум балла каррегим!» С трепетом повторял он неведомые даже личным прорицателям заклинание, которое он выпытал у загадочного персидского мага...

«Бессмертные» словно ядовитыми жалами впивались в боевые линии греков сея кругом смерть, постоянно меняя фигуру строя.

Сейчас строй напоминал ствол берёзы, из которого, словно молнии вылетали блиставшие сталью «ветви», оставляя после себя «листопад» корчившихся в агонии тел, а багрово-алое солнце, пробив своими огненными лучами дымные облака, осветило сверкающими искрами копий, мечей и шлемов место сражения.

...Гарал напрягал последние силы забыв о времени, о луке, о боевом строе, о плече друга, ибо здесь и там, даже ударяясь о плечи летели, словно грязно-алые «кочаны» головы греков и персов, разбрасывая вокруг красные жемчужины брызг липкой крови. Гарал долго уже ничего не слышал, кроме гула боя, который метался у него в голове стараясь разорвать в клочья череп. А где-то впереди, именно там впереди, шёл новый страх, заставляющий замирать сердца, это леденящий душу «таран», «таран» из всегда десятитысячного войска «бессмертный» великого Дария.

Солнечные лучи, словно обрубленные щупальца огромного спрута, замерли над «тараном», который опять напоминал оскал страшного зверя, и который как бы «кусая» линию строя греков, пробивал брешь сметая всё на своём пути.

Этот ещё невидимый ужас, заглушавший даже рёв его собратьев греков, истово кричавших и вскидывающих обрубки рук к небу, словно они жаловались самим богам!

Гарал на мгновение замер осторожно, поднимая обломок окровавленного меча – С боку! Сам себе воскликнул он, подставив под удар щит и согнув руку в локте, и тотчас боль осушила руку, кольнув страхом в самое сердце.

- Боль! прошептало сознание дрожью отозвавшись в коленях, но чуть присев правая рука инстинктивно вонзила обломок меча в пах нападавшего. И Гарал шагнул назад, уступил место рухнувшему с хрипом воину, и повинаясь инстинкту, нащупал дрожащими пальцами лук.

- Нет ничего! – и моя жизнь лишь мгновение пред вечными богами Олимпа! Шептали его губы, стараясь унять предательскую дрожь, которая от усталости пробежала по всему телу.

Гарал поставил ногу на бездыханное тело сражённого им перса, ощутив ногой последнее биение пульсирующих вен и страх движущегося «тарана» с рёвом и лязгом приблизился к нему!

«Дикий зверь» идущий из глубин империи персов, закованный в белые маски и причудливые латы, «пожирающий» тела воинов рвался в самое сердце Греции, гонимый бичом безжалостного Дария.

- «Зверь»! шептали губы Гарала, играя желваками скул и медленно натягивая тетиву лука, но вдруг дикий страх с новой силой сжал сердце грека, словно стальным обручем обречённости.

- А, А, А! Взревел Гарал, пытаясь высмотреть «морду» этого зверя. – Покажись! ревел он, дрожащими руками удерживая натянутый в струну лук. И вдруг, из огромной толпы сражающихся между собой тел и глоток, брызгающиеся потоками брани и крови, как бы восседая над павшими и ещё живыми, презрев на их отчаянную борьбу за жизнь, показалась фигура воина закованного в железные белые латы, сплошь укрывавшие даже толику тела.

Незнакомец издал странный гортанный клич, выхватив из-за спины кривую, серпообразную саблю и когда его рука снова взмахнула над головами сражающихся, Гарал выпустил стрелу.

Тонкое древко стрелы, чуть изогнувшись и взвизгнув в воздухе тетивой, исчезла в смертельном полёте.

- Да! Радостно воскликнул Гарал, увидев, как стрела впиалась в правую глазницу странной железной маски, тотчас выпустив кровавую струю окрасившей в пурпур белое оперение стрелы, и странный воин рухнул навзничь, но сразу же вскочил и размахивая уже огромным мечом ринулся опять в бой.

- О, боги! с ужасом захрипел Гарал, получая удары слева и справа, уже не пытаясь защищаться, но боясь потерять из вида бессмертного перса, который перепрыгивая через тела павших, сокрушая греческих воинов, рубя им руки и коля остриём меча их тела, приближался к Гаралу.

— Это сама месть! получив последний сокрушительный удар, воскликнул грек, чуть согнувшись и смотря на «бессмертного» затуманенным взглядом, но вглядевшись в застывшую белую маску, захрипел. – Ты без стрелы! – Я же попал! – Попал! шептали синеющие губы воина...

Персы продолжали сокрушать ряды греков, выдерживая строгий боевой порядок, и всё это благодаря «бессмертным», которые были подобны серебристым шипам, одинаково разложенным на квадраты и ромбы невидимой рукой мастера, и блиставшие искрами заходящего солнца.

И вдруг, один из воинов Дария выбежал вперёд и замахав своим мечом обезумел в своей ярости, рубя всё подряд, словно обезумевший в лодке рыбак забивший веслом по багряной глади моря, и поднявшись от его ударов волны начали бить и бить его же ноги кроваво-белой пеной, пеной от резких возгласов боли умирающих воинов Греции...

... ЗА ПЯТЬ ЛЕТ ДО ЭТОГО!

ГЛАВА – 5

- ЖРЕЦ ЕГИПТА -

Пылающий диск солнца выплывал из голубых волн моря золотя лучами бронзовые тела гребцов на галерах...

- Добрые духи всегда приближаются к земле вместе с солнечными лучами, тогда как злые всегда находятся на ней, прячась от солнца во мраке подземелий, и в полной темноте посещают мир людей! Неведомое изображение моря и гребцов рассыпалось словно мозаика, но голос, этот до боли знакомый голос до сих пор звучал в голове царя – царей.

Великий Дарий молча восседал на своём троне и его осенённое взором лицо, бесстрастно глядело сквозь утомлённые ресницы на таинственных жрецов Египта, которые совершали некие манипуляции с каменным выражением лица достойно Сфинкса!

Рубиновые чётки Дария с тихим щёлканьем начали ниспадать с его пальцев.

- Мой трон принесли сюда, чтобы я ждал? И голос царя отразился от сводных потолков и показалось, что время остановилось.

- Страх останавливает время! зашипели странные возгласы в подвале.

- Улимино алле Терро! Вдруг воскликнул жрец и нечто живое затрепетало под покрывалом на столе перед жрецами.

- Как душно! подумалось Дарию, и он перевёл взгляд на жар с копотью, источавшие факелами, висевшие вдоль стен потайной комнаты дворца. Это рубиновый отблеск от факелов жил как бы своей независимой ни от кого жизнью, отбрасывая странные силуэты жрецов на стену, и эти мелькающие во мраке черные тени напоминали лисьи или шакальи головы. Дарий склонился всем телом, улыбаясь и разглядывая причудливую игру огня и мрака.

- Умаро, Умаро, Нотро! ещё громче воскликнул жрец. И существо под тряпицей зашевелилось, словно силясь выскочить из объятий покрывала.

Дарий вдруг перевёл взгляд с теней на жрецов, и, посмотрев из подлюбья так, что задрожал стоявший за его спиной виночерпий, знавший крутой норов царя.

- Сотни жаб трепещут перед одним ужом? – Но даже тысячи ужей неспособны причинить вреда врагам моим! Стража Дария чуть качнулась вперёд, внимая загадочным словам повелителя.

- Они о великий, растут гораздо, гораздо быстрее псов! торопливо воскликнул жрец.

- А ты видел псов, идущих впереди войска и готовых растерзать врага? Царь усмехнулся.

- О, великий Дарий! начал было жрец, вскинув руки к «небу» подвала.

- Если ты чародей ещё попросишь крови, я тотчас прикажу напоить эту отвратительную тварь твоей!

- Но великий царь! воскликнул жрец. И Дарий сделал недовольный жест кончиками пальцев, требуя снять покрывало.

Жрец боковым зрением увидел, как стража царя качнулась вперёд, готовая рвануться по первому жесту Дария, и «колдун» резко сорвал покрывало.

Там, на деревянном столе в лужах человеческой крови, не то танцевал, опираясь на тонюсенькие пальцы, не то карабкалось сквозь сосуд, крохотное, размером с жабу тельце некоего существа, как бы ищущего защиты у жреца!

- И это ты хочешь назвать будущим войском царя-царей? – И это те, кто будет у власти, и я смогу им доверять? Дарий вскочил с трона, но спустя мгновение, что-то обдумав, грузно плюхнулся обратно, в золочённый трон.

- Как всё это мерзко, глупо! прошептал он.

- Слушай жрец! – Сколько раз солнце сменит луну, а луна сменит серп на небосклоне богов, прежде чем эта тварь будет достойна хотя бы пса?

- Кровь, ей нужна кровь! прошептал жрец.

- Хорошо! воскликнул царь с металлическими нотками в голосе. – Дайте ей крови! И медленно встав, и дойдя до двери тихо добавил страже, шедшей рядом и ловившей каждый звук – Серп и две полные луны! – Ни дня более, и напоите эту жабу! И уже выходя из потайной комнаты дворца, Дарий резко повернувшись и указывая перстом на виночерпия закричал – Ты!

И тотчас схватившая его стража потащила к столу, а жрецы, схватив каменные ножи набросились на трепещущее тело жертвы. Но царь уже не слышал предсмертных криков виночерпия, ибо слух его уже ублажал звук диковинной Кифары греческого раба в прохладном саду дворца.

Эйя, жрец нижнего Египта нервно взял каменный жертвенный нож и сделал фигурный глубокий разрез на груди виночерпия, который взвизгнул от нестерпимо-обжигающей боли.

Эйя поморщился и бросил нож на пол, но зазвенев необычным звуком лезвие каменного ножа осталось цело.

- Ты злишься Эйя? Тихий и несколько язвительный голос Соро, прозвучал над жертвой.

Соро был более значимым жрецом верхнего Египта и подчинялся напрямую Совету и Верховному жрецу Совета, но Эйя был не посвящённым...

- Сколько же можно сдирать кожу с этих жаб? едва сдерживая гнев воскликнул Эйя посмотрев по сторонам боясь быть услышанным.

- Столько, сколько долго будут наполняться глупостью твои забальзамированные мозги! И Соро резко резанул своим ножом по горлу виночерпия. Кровь брызнула на руки и лицо, а дрожащая пульсом жила извергала фонтаном брызг потоки крови, заливавшие стол.

Ками, помощник жреца Соро, посмотрев на своего учителя с ухмылкой достойной «Сета» схватил барахтающуюся в крови жабу, с которой сняли кожу, и тотчас задушил её.

- Хорошо! устало прошептал Соро и добавил: - Оставь всё как есть и поспешим в убежище Тара!

- Но нам нужно! торопливо воскликнул Эйя.

- Нам не нужно! злобно зашипел Соро и дав тайный знак слуге Дария, который оставался с ними. И раб, кивнув головой, с проворством достойным обезьяны, принялся убирать тайную комнату.

Эйя буквально округлил глаза, но Соро поймав его взгляд ухмыльнулся и порывшись в карманах своего балахона извлёк малую горошину, обёрнутую в тончайшую золотую фольгу.

— Это для твоей матери! грозно воскликнул Соро, и слуга Дария покорно кивнул, став кивая со стола «жертвенный» труп Виночерпия.

- У него есть мать? удивился Эйя, отлично зная, что у слуг ближнего окружения Дария не бывает ни родных, ни жён.

— Значит её надо выдумать! с нескрываемым раздражением прорычал Соро...

... Египет ликовал, толпы людей под палящим солнцем, опутанные пылью от босых ног, проносились мимо трёх довольно тепло одетых людей с возгласами – Мирто! Подкидывая вверх жалкие обноски одежд.

- Обезьяны! недовольно фыркал Эйя расталкивая толпы зевак и прохожих Соро, и его помощник многозначительно переглянулись при последнем слове.

...- О, какая прохлада! Эйя отхлебнул глоток прохладного вина в зале усыпальницы Царицы Нила.

- Почему жрец Эйя не называет Царицу, повелительницей Египта? Соро пристально посмотрел на жреца.

- Рабы, возомнившие себя великими! Эйя поставил золочённый кубок на край гранитной плиты саркофага.

- А ты? Соро не спускал глаз со жреца.

- Ты переходишь границы дозволенного Соро! – И как ты смеешь, льстец, подававший склянки жрецам и дожирающий мясо после пира великих, вечно лязгающий по оставшимся блюдам своими костлявыми пальцами! Закашливавшийся жрец с ненавистью посмотрел на Соро, который загадочно улыбнувшись произнёс:

— Значитя выбирал лучшее!

- Лучшее? взревел Эйя. – Напившись сладостью вина, господин должен ли входить в покой слуги?

- А утром госпожа, внимая прохладу дня, не многое ли прощает мужу своему?! – Неужели у неё такое доброе сердце? – Видна рука твоя, льстец!

Соро отхлебнул из кубка. – Эх Эйя, женское сердце не знает прощения слабостям мужа!

- Так кто же ублажает и госпожу господина нашего, напивав её тело любовью? громко спросил Соро.

- Ты?! опешил Эйя, схватив себя руками за горло.

- Давя! – А ты, лишь дрянной факир, развлекающий царей простыми ободранными жабами! И Соро плеснул остаток вина в лицо Эйя...

... Белоснежные мотыльки кружились в теплом свете пробивающийся сквозь тонкий туннель усыпальницы Царицы, пирамида, сориентированной строго на Сириус.

- О, боги! тихо вздохнул Эйя, распластанный на мраморном столе. – И это всё? чуть улыбнулся Эйя. – Это всё, что может сделать пожиратель объедков? тихо добавил он.

Но Соро, стоявший рядом и пристально глядя на белоснежное парение мотыльков напряг мускулы скул, словно сдерживал своё дыхание из последних сил.

- О, небо, почему льстец угоден вам больше?! тихо прошептал Эйя, и забился изо всех сил в надежде высвободиться, изогнувшись в дугу, он замер. Жилы, вены напряглись до предела, веревки и ленты впившись в плоть жреца, казалось, погрузились внутрь его, и с криком – Твари! Эйя упал в бессилии. Путы, сковавшие его тело, были надёжны!

Мотыльки, кружась в столбе света, всё плотнее и плотнее сжимали своё белоснежное кружение танца к центру луча.

Эйя напряг зрение – Сколько же я проспал? И подумав, добавил: - Ночь, конечно же ночь, а это виден чуть синеватый свет Сириуса! мысли жреца с быстротой молнии проносились в его голове, а тревога сковывала движения. Эйя перевёл взгляд на мотыльков и те, сбившись в стаю, подобную единой массе лепестков, вдруг совершенно чётко образовали голову змея, того самого змея, что сопровождал души умерших по загадочной реке вечности пытаясь поглотить их.

- Нет! – Нет! громко воскликнул Эйя.

Но мотыльки своим кружением уже образовали ненасытную голову.

- Боги! громко воскликнул он, и в этот же момент мотыльки, образовав уже зубы змея ринулись на тело Эйя.

- УмиваСоптрГоро! громко кричал в мистическом экстазе Ками, читая свиток Соро.

В мгновение ока подлетевшие к телу Эйя мотыльки, теперь уже в тёмном свете гробницы, явственно виделись уже чёрными шмелями, пожиравшими человеческую плоть! Но при каждом падении, имели убрав тонюсенькие крылышки, вонзившись в плоть Эйя напоминали трупных жуков, которые так досаждали Эйя в момент бальзамирования тел.

Рёв от неимоверной боли Эйя заполнил каменные стены залы усыпальницы Царицы. Дикие вопли, казалось, пропитали стены, вгрызаясь в камень, словно жуки в плоть.

- Зачем такие страдания? Ками посмотрел на Соро.

- Но он же считает себя равным Богу! с издёвкой недоумения произнёс Соро.

Однако цель Соро была в том, чтобы достичь дрожащей плоти Эйя, уязвимой даже для малейшего прикосновения, дрожащей, но дающей жизнь всему телу.

- Но ведь ему нужна всего лишь плоть! со страхом в глазах от липкого всепроникающего в сам мозг страха, шепнул Тар.

- Готовь Яманкуле*! воскликнул Соро.

- Глина с потаённых ручьёв Нила, там, где ступала нога богов! дрожа от страха, шептал Тар. – Кристалл Исиды! снова вытирая пот, произнёс он, под заунывные заклинания Соро, требующего милости Богов.

- Свет Сириуса! еле волочая языком, добавил Тар.

- И плоть, плоть раба! ревел Соро, вырывая трепещущее сердце из груди Эйя.

- И плоть, плоть, конечно, плоть! Уже воскликнул Тар, испуганно глядя на Соро, вырвавшего сердце жреца, протянувшего окровавленную руку Тару, с трепещущей плотью.

- Свет Сириуса! еле выдавил из себя Тар, проглатывая ком в горле.

Соро подставил сердце жреца в самый центр луча, бывшего в пирамиду от далёкой и загадочной звезды.

Белые тени закружились в свете похожие на отражения людей в водах Нила. Они тянули свои невесомые руки к окровавленной руке Соро державшего сердце.

- Кристалл! взревел Соро не глядя на Тара, который лихорадочно установил кристалл в золотом зажиме странного устройства.

- Теперь глину! ревел Соро не глядя на него, словно зная, что тот исполняет поручения в точности.

Мгновение, ещё, и вот когда глина начала своё движение, словно если бы это было тесто, поставленное заботливой хозяйкой, Соро сжав в руке сердце жреца так, что между его крючковатых пальцев брызнула кровь, вмял трепещущую плоть в бурлившую глину.

Гомункул*

- Кристалл! ревел Соро.

Тар тотчас направил луч кристалла, поглотившего свет от звезды Сириус в кроваво-чёрное месиво, и отражение людей, плывших в свете сами собой, словно затягиваясь в ужасную воронку кристалла, ниспадали светом в месиво.

- Сираз Мах Па Ом! взревел Соро.

- Сираз Мах Ра Ом! отражали эхом стены залы усыпальницы Царицы. И жижа зашевелилась сама собой.

- Они вошли! радостно воскликнул Соро, видя, как белые тени, игравшие в свете Сириуса, вошли через кристалл в месиво.

- Вошли, вошли, вошли! радостно воскликнул жрец.

Чернеющая жижа вспенилась и заиграла радужно-зеленоватым оттенком.

- Дышит! громко воскликнул Тар.

- Уймись! не веря своим глазам Соро, приблизился к бурлящему месиву, буквально оттолкнув Тара.

- Великий! воскликнул Тар глядя на странный свет Сириуса.

Но Соро, рассматривающий дрожащее и бурлящее жизнью месиво, не обратил внимание на крик младшего жреца.

- Вел...! Вновь хотел было воскликнуть Тар привлекая внимание Соро, но замолчал.

Новый иссини белый свет, словно осколки тающих льдин, закружился в свете Сириуса.

- Сириуса? промелькнуло в сознании Тара – О нет!

Они проникали повсюду, даже через тонюсенькие прогалы между, с безупречно уложенными многотонными гранитными глыбами гробницы, искусно отшлифованных рукой раба. Так окаменел, не в силах выдавить и толику звука из бурливших страхом лёгких.

Белые тени были гораздо ярче самого холодного сияния Сириуса на чёрном звёздном небосводе. Они были остры, как льдинки и нежны, как Сирийский шёлк. Они были невесомы и чисты, но затыкали дыхание ноздрей и глоток жрецов. Они были светлы и всё так же прозрачны, даже в тени гробницы играясь зловонной жизнью.

Жижа замерла, словно мороз коснулся её кончиком своего узора. Блики света кружились всё явственней и явственней, обретая крылья. Они были тихи и беззвучны, но взмахами крыльев своих способны заглушить раскаты грома от края до края небес. Затем внезапно, словно кто-то погасил свечу, наступил чёрный мрак такой, если бы невидимая рука лишила жрецов зрения...

- Ты испугался? Соро чуть скрыв улыбку, искоса глянул на Тара.

- Пожалуй, да! торопливо прошептал тот.

- Ничего, иди за мной, я покажу тебе нечто. Соро ускорил шаг, увлекая за собой Тара...

- Смотри!

Соро щёлкнул кнутом, зайдя в самый смрадный уголок скотного двора. Тар напряг зрение.

Там среди грязи и нечистот скота забившись между обломками старых кувшинов и черепиц, пряталось некое белёсое существо, более напоминающее зайца, с содранной шкурой, имеющее окончание лягушачьих лап.

- Но почему? возмутился Тар, с вызовом глядя на Соро, видя безобразный вид существа.

- Не знаю! – Но получается вот такая мерзость! И Соро ударил кнутом существо.

- Не надо! Тар презрев на грязь и нечистоты, и на дорогую парчу халата, ринулся к загнанной ударом бича твари.

- Раб! выдохнул Соро, посмотрев на Тара.

- Раб! презрительно глядя на жреца, повторило существо.

- Может я и раб, но вижу такое впервые, и уж точно никто не видел это прежде!

- Прежде! громко воскликнул Соро – А это ты видел! взревел Соро, вынув из-за пазухи склянку с бурлившей жидкостью.

- Ты спрятал? опешил Тар.

- Да! тихо выдохнул Соро – И уж точно моя горсть дороже кружения белой силы.

- О, Великий! раб жреца Соро с грохотом и треском, едва не выломав дверь загона, подобно стреле влетел в закуток.

Что??? Гневно воскликнул Соро.

- Воины Дария! хрипло произнёс раб.

Соро тотчас оправившись от смятения овладевшим им в момент смертельной опасности, вытолкав прочь присутствующих сунул свиток в кувшин, и с силой вогнал в его горло пробку, потом вторую пробку, и бросил кувшин в кучу жидких нечистот.

- Я держу жизнь на ладони своей! Соро вытряхнул содержимое склянки на левую ладонь.

– Под ногами прах! Добавил он. – Жизнь, прах, я есть столб между Жизнью и Прахом!

Воины Дария ворвались в закуток, сметая всё на своём пути, бесцеремонно скручивая руки всем присутствующим.

Затем надев огромный холщовый мешок на голову Соро и Тара, тотчас отвели их в резиденцию Дария.

... Ну и где же твои лягушата? Дарий был в неопишемом гневе. Во-первых, нестерпимая жара Египта буквально плавila мозги повелителя мира, во-вторых, армия греков по донесению его соглядатаев, сплывалась в сильный мощный кулак, и в-третьих! О Боги! В шатёр Дария не входили уже третью луну Симплиа!

- Где мои воины? взревел вопреки обыденности Дарий – Где их бессмертие? Стража царя царей дрогнула от напряжения, словно сбежавшая с поля битвы. Гробовая тишина повисла над палящем зноем Царского шатра.

Дарий встал, желая выхватить саблю из ножен своего телохранителя, и лично срубить голову Соро, и лично отереть со щеки своей, густую тёплую кровь ненавистного жреца. Но..., но жара и бессонная ночь сделали своё дело, царь в бессилии рухнул в свой трон, зло бросив взгляд на мальчика негритьёнка, качавшего над ним, опахало. Дарий заиграл желваками скул, но через мгновение, начальник стражи, выскочивший буквально из ниоткуда, рухнул ниц пред царём. Дарий кивнул головой, требуя объяснений.

Начальник стражи начал было невнятный лепет, но Дарий заметил у него в руке некий, странного вида нищенский мешок.

- Теперь нищие преподносят дары царям? зарычал подобно дикому зверю Дарий. Вместо ответа Набир тотчас вытряхнул содержимое мешка.

Уродец на половину, лишённый кожи, совершенно красноватого цвета, боясь лучей яркого палящего солнца, жался на тонюсеньких ножках к кованым сапогам Набира.

- И эта нечисть, эта смесь навозной жижи и затхлого ила, Нильского болота... ты называешь великой армией тьмы? На лице Дария, несмотря на палящую жару, выступили капли мутного пота на побелевшем от злобы лице.

- Нет... Это воины? взревел, негодуя Дарий.

- О, Боги! – Набир! грозно воскликнул он. Могучий воин Дария, не раз и не два, доказывающий в сражениях свою преданность царю, тотчас ударом кованного сапога раздавил ямункуле, с хрустом ломая кости этого создания.

- Ну? – И где же отчаянное сопротивление? Зло прокричал Дарий, глядя на Соро.

- Глупость, даже облегчённая в одеяние царей, всё равно остаётся глупостью, и, если даже одеть на неё корону, всё равно останутся видны ослиные уши! расхохотался Соро.

Дарий заиграл желваками, но придержал в любопытстве гнев.

- Ты пёс, обещал мне умножить моё войско как речной песок!

Соро промолчал в ответ.

- Но донеслось до моих ушей, что в кузнях Дамаска, прежде чем сковать достойную кольчугу, её очень долго закалывают в огне, затем охлаждают на ветру! тихо произнёс Дарий и повернул голову в сторону своего телохранителя.

- Так! – О, Великий! и Набир пал ниц.

- Если ишак не может идти впереди войска, то пусть впереди войска идёт его погонщик, но мы милостивы, и не может же погонщик идти в бой без лат? Дарий вновь посмотрел на Набира.

- Глупость посылает разум на битву во имя невежества? с презрением произнёс Соро, глядя прямо в глаза Дария.

- Нет, что ты, как шлем закалывают в печи, сотни и сотни раз, дабы меч неприятеля не поразил, череп наш, разрубив его на крохи до самой шеи, так и я сберегу твоё тело, без сомнения источник мудрости, заковав его в калёное железо. Ибо древние говорили, сильные мудры тем, что хранят мудрецов во дворцах своих! Дарий натянуто улыбнулся.

И тотчас на Соро натянули Воинские доспехи, сорвав и малые повязки с бёдер его, топчa ногами балахон жреца.

- Закалить кольчугу прямо на нём! взревел Дарий, - Пусть доспехи ему будут в пору вечно! – Ты Набир соберёшь воинов от края и до края империи, тех кто выше на локоть остальных

ных! – Ты, заставишь кузнеца пыткой или золотом выковать им одинаковые доспехи, и пусть они будут похожи один на другого, как рубиновые камни с моих бус, но не только кольчугой и маской белы, но и сердцем чисты и полны воинской отваги.

- А!...Дарий прервался, - А..., все которые видели колдовство жреца, все которые были в доме его, все которые ублажали желания его, все пусть будут уголь дающий жар печи кузнеца! Дарий встал...

- Если нельзя создать воинов руками человек, то пусть человеческие руки облачившись в железо войны, взявшие меч, станут бессмертными...

ГЛАВА – 6

- ВИЗИРЬ КУДО –

Абу Али ибн Кудо низко наклонившись в удобном кресле, более напоминавшем трон царей, всё ниже и ниже склонял голову, и его тень скользнув по полу, едва коснулась горящего в холодную зиму Северной Персии очага.

Кудо вздрогнул от боли, словно коснувшаяся тень обожгла саму голову Верховного Визиря.

- Горб! прошептал подобно змее, имеющей по крайней мере тысячу жал Кудо. Он резко, не подобая сану Верховного Визиря, вскочил с места и с быстротой молнии ринулся прочь из залы, словно ища защиту извне, шепча как заклинание слово – «Горб».

Кудо нежно ощупывал бесконечные приборы астрономической обсерватории, созданной по большей части им самим же.

- Ложь! – Лжец! шептал сам себе Кудо, пытаясь истерзать и без того измученный разум. Ещё мгновение, и Кудо рассмеялся, осматривая огромный, в человеческий рост таинственный прибор, определяющий положение звёзд на небе и здоровье царя царей.

Он вдруг вспомнил, как сам Кир, повелитель Персии, с восторгом слушал речи Кудо, когда тот, вращая гигантское колесо и указывая перстом в звёздное небо, шептал заклинания, «ведя» царя по таинственному лабиринту галактики, описывая по «знамениям» чернеющего неба, положение дел в государстве.

- Смешно! прошептал Кудо, ибо он Верховный Визирь царя, как никто другой понимал, что, посылая гонцов в разные углы гигантской империи Кира, и анализируя урожаи и прочие дела, принимая далёких послов из глубин империи, готовил эти «прогнозы». А уже затем, вращая бесполезное колесо «Акстории» он извлекал тайны из недр космоса в уши царя.

- Ослы! взревел Кудо.

- Но теперь, Вам, о господин Кудо, великий лжец, придётся отвечать здоровьем единственного сына, за сказки Шахерезады! – Этой гулящей девки, так же выдающей себя за дочь Царя, с той лишь разницей, что ты выдавал себя за сына Нисера, без сомнения великого звездодочёта! – Нет?

Кудо обернулся.

- Соро??? опешил он.

- Ты хочешь видеть начальника стражи Кира? ухмыльнулся Соро.

- Нет...! тревожно прошептал Кудо. – А что ты здесь делаешь? несколько глуповато, как-то по-детски пролепетал он, сделав шаг на встречу жрецу.

- Ты ни лисица, но даже червь лезет в нору во время опасности, и куда же мог направиться сын ничтожного мельника? Соро с ехидством потрогал колесо «звёзд».

Кудо взвился от гнева.

- Горб! Вдруг воскликнул Соро.

- Ты знаешь?? Опешил Кудо.

- Совет знает всё! Грозно прошептал Соро, передёрнув плечами, привыкая к новой рождённой плоти.

За десять дней до указанных событий.

- Всё играешься? – всё играешься подобно детям в жижи с навозом.

Верховный жрец СОВЕТА поморщился. Соро давил пальцами окровавленных рук ямункуле, только что вылупившегося из оболочки «вечности».

Ямункуле жадно ловил маленьким кровавым ртом воздух, словно пытаясь вызвать жалость у своего мучителя. Размером не более жабы, он так цеплялся крохотными пальчиками, тонюсеньких ручек за жизнь, что Соро мог бы вполне пожалеть его.

- Не возомнил ли ты себя Богом пёс, ничтожества, червь падали придорожной! взревел Верховный жрец. – Или ты впрямь думаешь, трогая своими скверными руками оболочку «вечности», что ты – посвящённый! Верховный жрец ударил посохом о мраморный пол пирамидальной залы.

- О, нет! зашептал, склоняясь пред Жрецом Совета Соро, и с хлопком лопнувшей жабы, покончил с младенцем ямункуле.

- Поди прочь и вымой свои грязные лапы! зашипел Верховный Жрец.

- Хотя нет, постой! Сейчас подадут фрукты, вот и нажрёшься вдоволь! Зло ухмыльнулся он.

Как же тяжело, как омерзительно было Соро есть окровавленными пальцами, но жрец словно не замечал его мучений, кивком головы давая слугам новые и новые распоряжения.

Внутренности Соро вопили от спазма, рвотные позывы сдавливали горло жгучим обручем. Но Верховный жрец не унимался.

- А вот, эти персики! мягко предлагал он.

- Из самой цветущей долины южного Египта! – Ах, ух, сок вкуснее нектара Богов, как бежит по пальцам! – Твои рабыни любят персики? Верховный жрец наклонился к вздрогнувшему Соро, и не дождавшись ответа тихо прибавил, - Ведь из чрева дев твоих, их изымут! – И ещё тёплыми, от биения их сердец подадут тебе, и ты вперемишку с их кишками будешь их жрать, пёс! взревел жрец СОВЕТА.

- Но, я! начал что-то лепетать Соро.

- Ты!!! – Именно ты, потомок навозной жижи, продавший магическую силу жреца, на плотские утехы дев и подземные бесы уже помочились в лоно их! – Ты самая ядовитая блоха, на самой плешивой собаке, самого нищего города – Ты! – Ты не смог убедить Кира! – Хотя речи твои были дороже вина! И эти твои... Жрец презрительно посмотрел на мёртвое тело ямункуле.

- Жабы! зло выдохнул он, - Ты же повелитель планеты комаров! рявкнул верховный жрец.

- Почему же комаров? с недоумением пролепетал Соро.

- Да потому что жабы более всего любят комаров! взревел жрец СОВЕТА.

- Ты пришёл, чтобы унижить меня? тихо в растерянности шептал Соро.

- Того, кто находится по темя в навозе, невозможно унижить плевком юной девы! улыбнулся Верховный жрец.

- Тогда зачем? шептал Соро.

- Видишь ли, я не даром сказал тебе о комарах, ибо увы, так надо богам, чтобы самый жирный из них прибыл к их столу, точнее то мясо, в которое он впивает своё писклявое жало!

- Персия??? опешил Соро.

Жрец утвердительно кивнул головой.

- Но я...! недоумённо шептал Соро.

- Ты лишь читаешь в моей голове то, что открываю тебе я! - Ибо мне смертно не хочется пред тобой утруждать уста свои!

- Но как??? Ибо, ни визири, ни стража, не берут золото!

- Да, это верно, не берут, но ответь мне Соро, что есть дороже золота? – Ибо должен же я знать, есть ли в твоей голове хоть крупца учения Богов! улыбнулся он.

- Любовь? прошептал Соро.

- Стража не имеет ни жён, ни матерей, ни детей! кивнул головой Верховный жрец.

- Страх? расширил глаза Соро.
- Страх! – Страх, овладеет мною, ибо кому доверяет СОВЕТ! скрипел зубами жрец.
- Глупость! – То, чем наполнена твоя голова! – То, что живёт в уме каждого, пусть самого жирного комара, на всём болоте!

Соро опешил.

- Мы внушили уже Киру то, что не имеет ни избытки, ни границ, ни цены! Жрец встал.

... - Папа! сын Кира, Харуз, потянул к отцу тонкие руки.

Ребёнок до своих четырнадцати лет, никогда не покидавший пределов дворца, вдруг спросил отца:

- Что это у меня на спине? и тихо скосил глаза на свой горб.

Кир дёрнул глазом от неожиданного вопроса.

- Какой пёс сказал ему? пронеслось в его голове.

— Это есть у всех мальчиков! задумчиво ответил Кир.

- Но ведь я же видел! не унимался Харуз. И тут, словно ядовитая змея ужалила Кира в самое сердце, взывая к глупости.

- Ты не веришь своему отцу?

- Верю папа, я верю, но!

- Те, кто жаждет женщину имеют это, как знак любви к нечистому! Кир знал, что юноши в четырнадцать лет... словом знал, будучи юношей. Но теперь, когда единственный сын горбун, и если спросит кого-то, то... Но не вырвать же язык каждому! Мысли путались в голове царя царей. И в конце концов он узнает, что он горбун!

И тут змея нанесла второй укус.

- как заставить всех молчать и не дать сыну понять весь ужас проклятого уродства? думал он. – Но те двадцать юношей, кто постоянно с ним, могут тоже иметь горб! от внезапно нахлынувших помыслов Кир чуть покраснел.

- Лукавые псы! взревел он, обнимая сына.

- Они прячут свои горба! – Они покажут тебе их, если ты будешь верен своему отцу!

- Папа, это правда? – Горб есть у всех? тихо шептал Лая.

- У всех!!! взревел царь царей.

...- И что думает СОВЕТ? тихо прошептал Кудо, взглянув на Соро.

- СОВЕТ не думает, СОВЕТ повелевает, уважаемый! Соро тронул Кудо за плечо.

- Моего единственного сына изуродует палач до состояния горбуна?! взревел Верховный Визирь, буквально впившись взглядом в рыбы глаза Соро.

- Ну, пусть тебе будет утешением что, что вместе с ним изгорбят и остальных девятнадцать сыновей, не менее важных людей, чем ты! – Кстати, они твои же ученики по «колёсному» вращению! Соро слегка коснулся огромного колеса «звёздного прибора».

- Что мне до них! ревел Кудо.

- Да в общем ничего, только и похороны собственного сына, ты не сотворить, не полакаты не сумеешь! улыбнулся Соро.

— Это почему же? зло зашипел Кудо.

- Да ведь если ты спрячешь своего сына, или...это не важно, то звучит эта мысль так – Нельзя поплакать над могилой ни врага, ни друга, если первая могила твоя!

- Или может быть Кир имеет жалость? улыбнулся Соро...

Кудо вдруг вспомнил, как он валялся в ногах у Кира, как целуя ноги умолял его...

- Но у меня тоже есть единственный сын! ревел Кир – Прочь! Сглаз моих собака! – Готовьте костолома!..

- Ты знаешь, о Великий визирь! последнее Соро произнёс с издёвкой, - Не я ли тебе давал советы и предсказания, и те, сбывались, ставя тебя на ступень выше к Киру! – И сейчас ты должен помочь мне и себе!

- Как же я? ...ошалело встрепенулся Кудо, словно скидывая с плечей груз печали.

- Именно? – Помочь! улыбнулся Соро.

- Но зачем ты терзаешь меня беседой? – Ведь слова твои Соро больше похожи на пытку!

- Я должен был знать глубину твоего горя! улыбнулся Соро.

- Горя? взревел Кудо, едва сдерживая себя, - Любимая жена умерла, оставив нас! – Родителей убил мор! – Теперь сын!!! – Всё что есть у меня!

- А всё-таки любовь! прошептал Соро.

- Что? опешил в недоумении Кудо.

- Забудь, о повелитель вселенной! Соро склонился пред Кудо. И тот словно расцвёл, как цветок розы в полном великолепии, от такого почтительного поведения Соро.

- Или глупость? Соро вновь поднял глаза на Кудо, глядя как тот обретает надежду. Соро готов был вцепиться в горло одному из самых глупых баранов Северной Персии...

- Но Кир знает их в лицо! выдохнул Кудо.

- Твои звездочёты часто смотрят в лицо царю? Соро улыбнулся, - Тем более их дети! – Юноши! зло добавил жрец.

- Но ведь можно набрать юношей из дальних уголков империи! взмолился Кудо.

- Угу! тихо ответил Соро. – А заодно вырвать у них языки, в надежде что те, никогда не обучатся грамоте, и уже не поведают потомкам о великой лжи! – Ах, да, можно и пальцы отрубить, а можно держать их подобно гепардам, на цепи! – Конечно, двадцать юношей, двадцать поводков в виде папаш! иронизировал он. – Глянь, а хоть один да уснёт, и тогда! прибавил тон Соро.

- Тогда! забарабанил пальцами по подлокотнику «трона» Кудо, отлично понимая, что тогда.

- Ну если нельзя сдержать двадцать голодных гепардов от одной овцы, не проще ли убрать одну овцу! как-то совсем по-детски произнёс жрец.

- Кира?! взревел Кудо.

- Назови овцу так! спокойно ответил Соро.

- Нет, лучше пусть закроются тенью мои очи! И Кудо опустил голову на грудь.

- проклятый комар, ну кто бы мог подумать! размышлял жрец. – Я всегда думал, что они...только за золото...и войны, и мир, и только за золото! – Лучше пусть закроются тенью мои очи! Эхом пронеслось в голове Соро. – Тебе предстоит многое увидеть и меня в том числе! пронеслось в его голове, а в слух произнёс:

- Положись на моих жаб!

Фархан молча глядел на расширяющее пламя угли. В его повадках, в его движениях было что-то отрешённое, словно бы, гончар разжигал горн для обжига горшков.

- Пошли вон! тихо вымолвил он, даже не поворачивая головы к страже, стоявшей возле дверей его кузни.

- О, о, о! прошептал он, внимательно разглядывая выкованные им же самим «инструменты».

- Сколько же боли впитали вы в себя! шептал Фархан.

Ему порой казалось, что сама боль живёт в стенах его «кузни». Да, именно боль, ибо всякий раз спускаясь в подземелье дворца, и открывая железную дверь, он явственно слышал, ощущал, как сама темнота, дышала ему в лицо запахом крови с бесконечным страданием. Он подносил огонь к медленно разгоравшимся факелам, висевших вдоль стен, и те дёрганно языками пламени растворяли мрак в подземном царстве боли!

- Двадцать щенков превратить в двадцать верблюдов! разжигая угли, шептал он, сродни уличному факиру.

— Это велено передать тебе лично! И страх сунул ему в руку склянку.

- Слезы мака! опешил Фархан.

- Они должны быть живы! произнёс Нудас.

Фархан окинул взором место, где только что стояла вышедшая стража.

- Угу! сам себе под нос прошипел он.

Вдруг, холодок неуверенности пробежался волной по спине палача, словно он сам должен стать горбуном, «кузнец» поёжился. И вдруг он понял, что смутило его на самом деле, - Нет кольца! воскликнул он – Где? Заревели его уста. Кольцо, вбитое им в стену. В тот день, когда он вырвал язык подвешивая к кольцу крюк с телом принца, осмелившегося лгать самому Киру, царю царей! – Где? снова взревел он, ощупывая дрожащими пальцами холодные голые камни.

- Почему? снова взревел он, размазывая в пальцах свежую слезу мака.

- Кровь принца вопиет к тебе Фархан!

Палач обернулся. Соро смотрел на него властным взглядом.

- Что с тобой? с издёвкой спросил жрец, - Ну, не надо, что ты? Соро сделал шаг к Фархану.

- Клянусь небом! взревел палач, схватив огромные раскалённые клещи.

- Небом? опешил Соро, - Тогда уж лучше дворцом Кира! рассмеялся он, - Ибо быстрее дворец его станет прибежищем блудливого пса по имени Ибрагим, нежели небо перейдёт в твои поганые руки! воскликнул Соро.

- Врёшь! закричал кузнец, ибо Ибрагим было имя его старшего сына.

- Я вру? искренне удивился жрец, - Что же, дворец царя царей теперь вотчина палача? – Или может быть луна, есть плешь на твоей безмозглой башке? добавил он, держа паузу, - Вру? – Да, пожалуй, я вру, и главное в моей лжи, есть то, что твой сын Ибрагим поносил Царя царей в пьяной пирушки Зоалья, в присутствии принца, а тот промолчал, или точнее сказал неправду Киру, да и как же он, хоть и принц, мог сказать правду, если его сначала задушили, а затем подвесили вырвав язык! – Или нет, стой, сначала он висел на собственном языке, а затем его задушили, ведь казнь языком ваша семейная тайна дознания, которую лицеизрел ты в Китае. – Так, что же я соврал? Соро сузил глаза, что-то перебирая на пальцах.

Фархан от неожиданности выронил клещи.

- Ты мог обжечь мне ноги, палач! тихо прошептал Соро.

«Кузнец», никогда прежде не знавший таких унижений, от чего-то сам стал целовать ступни Соро.

- Отличный пёс! только и прошептал жрец.

- Теперь, в полночь ты войдёшь в покои Кира, и скажешь одно слово - Исполнено*! – Мой господин!

- Но это три слова! прошептал Фархан.

- Верно, ибо два других, это мне! захохотал Соро.

- Повинуюсь! Мой Господин! склонился перед жрецом палач...

...- От чего ты дрожишь? Соро пристально посмотрел на Кудо.

- Палач он...!

- Ух, как же пискляв голос комара! зашипел Соро... – Ты забыл презренный раб о том, что кушать надо всем! И жрец похлопал Кудо по огромному выпирающему из халата чреву.

* имеется ввиду – костолом соделал горбунов.

- Прошу Вас, мой господин! Кудо повлёк Соро к столу, где грудой, но стройным изяществом красовались угощения.

- Ты даже не представляешь себе, насколько ты глуп! шептал Соро, - Впрочем, почему бы и не поесть!

- После заветной полночи у нас будет десять дней! неуверенно сказал Визирь.

- Угу! отхлебнув вина улыбнулся Соро. – И главное, ты всё знаешь! – А? - Ну да, впрочем, чему же я удивляюсь – Звёзды! Соро ещё раз отхлебнул из кубка.

Вспышка мгновенного гнева пролетела по лицу Визиря, и тот с треском в пальцах сжал тонюсенькую рукоять клинка для фруктов.

- Достопочтенный, мудрейший из примудрейших, самый звёздный из всех галактических и туманный из самых туманных! – Прости мой поганый жабий язык!

Кудо пристально смотря на жреца протянул ему самый большой персик.

- Ох, как тяжело ты будешь подыхать собака! подумал Соро. И вдруг вопреки его воли, в голове зазвучал громкий язвительный голос Верховного жреца...

...Соро отмахнувшись от вновь звучавшего в голове голоса Верховного жреца СОВЕТА, как-то уж совсем отрешённо пожал плечами, зачем-то ещё раз осмотрев подземелье палача Фархана...

ГЛАВА – 7

- В ПОЛНОЧЬ –

- Сираз Мах Ра Ом! громко повторял жрец, размешивая порошки из огромной амфоры.

- Тряпица, укрывавшая детородные органы первой женщины! Соро испуганно смотрел на незнакомую ему прежде субстанцию. Это был тончайший белый шёлк, о нет, это был сам «свет», но почему же вращая его в мерцании факелов, он то темнел, словно тёмная вуаль, то наполнялся невесть откуда взявшимися бледными каплями крови, крови, ибо Соро чувствовал её запах. Но ещё более странное было то, что тончайшая материя, подобно лезвию бритвы резала спёртый воздух и подземелье наполнялось нечеловеческими криками страданий ямункуле.

- СИРАЗ Мах Ра Ом! произнёс жрец, слегка отшатнувшись от материи, которую он держал в руке, как бы освобождая место ИМ!

- БайзакаТулеш...! – Я соделаю Их своей волею! – И пусть. Они видят во мне Отца своего!

- Собачий лай лишь попусту сотрясает воздух! Соро с усмешкой вспомнил слова Верховного жреца Совета.

- Я сам! – Я смогу! выдыхал, захлёбываясь слюной Соро – Сайламирсучун гас!

Они выползали...Они выкатывались словно кровавые шарики из бездны, а тоннелем бездны ведущей в мир людей и была горловина материи, теперь уже образовавшая огромный выход в мир.

О..., как Соро мечтал заглянуть в туннель, а каких усилий он не приложил, чтобы хоть краем глаза заглянуть в преисподнюю зла.

- Ты сказал слово Киру! с безумными глазами вопрошал Соро.

- Да! – Мой господин! прошептал изумлённый происходящим действием Фархан.

- Так начинай же! – Ибо время не ждёт!

- Болон Колон Твес, - Насладись покоем кровожадный раб! и тихо добавил, - Этот покой ведёт тебя в вечность, уже написавшую твоих предков!

- Тени! – Они словно тени! Хрипел Фархан изумлённый и обескураженный.

И теперь дьявольская карусель предстала пред взором Соро.

По кругу на глазах теперь уже у всей стражи Кира, спускались в подземелье сыновья приближённых визирей, на мгновение задерживаясь возле Фархана.

Разум Соро отказывался заглянуть в туннель тончайшей материи, из которого выкатывались ямункуле.

Вылупившиеся из оболочки вечности уродцы, никак не напоминали палачу людей, это были скорее жабы, мерзкие, скользкие, кровавые жабы стоявшие на задних лапках, дрожа всем своим полупрозрачным тельцем, испуганно поглядывающие по сторонам, красноватыми бусинками глаз, жалко сжимающие пальчики лап на омерзительной оболочке грязи, никак не напоминавшей человеческие кости хотя бы младенца.

Палач пристально посмотрел на уродцев, вылупив глаза.

Но Соро, не дав ему опомниться громко воскликнул, - Сираз Мах Ра Ом!

Дикий ураганный ветер вдруг поднялся ниоткуда в тесных каменных стенах пыточной камеры подземелья. Ураган с неистовой силой развивал волосы Соро, но тот раскинув руки ревел наперекор ветру: - Сираз Маз Ра Ом!

Ураган, удваивая мощь ударял кругами ветра в стены «кузни» кроша камень, вытрясая из стен всю боль и засохшую кровь каземата от следов прежних пыток, заноса этим песком двадцать ямункуле стоящих трясущихся от страха посреди подземелья.

Палач закрыл лицо руками, а ветер рвал и рвал с потолка глиняную штукатурку, засыпая ею пол и тела ямункуле, ту самую штукатурку, которая впитала в себя испражнения мук, умиравших от пыток, говоривших правду или ложь в угоду палачей на известном древнем и расхожем языке фарси! Обвиняя царей или рассказывая о своих злодеяниях, и всё это веками как гвозди, усилием палачей вбивалось в купол глиняного потолка!

Фархан потерял сознание от рёва, ветра, рухнув на колени перед глиняной горой укрывшую уродцев, но жрец, ухватив его за волосы рванул голову вверх.

- Ты разрушивший столько царств своими клещами, с помощью мук оболгав царей, слуги, которых лгали Киру на своих повелителей, - Ты видевший руины городов, уже ли испугался жалкой горстки глины?

Соро выхватил из-за пазухи нож полоснул палача по кисти левой руки, и кровь палача от волнения сердца ударила фонтаном в кучу глины.

- Нет! – Пощади! взмолился Фархан.

- Тебе ли нужна пощада или ты испугался пиалы с кровью? – Ты! – Проливший реки человеческой крови! – Ты, рвущий клещами сердца, но как трепещешь за своё? – Червь! _Если ты брал чужие жизни, неужели ты думал, что не придут за тобой? Соро взял со стола Фархана огромный тесак.

- Скульптор ваяя тело богов Олимпа из огромного куска мрамора, не думает вовсе о последствиях своего труда, он отсекает всё лишнее от камня, выпуская тело боа из заточения в мир живых, и ему совершенно не важно, где поставят сего бога, в античной галерее или на главном алтаре храма, будут ли ему класть у ног цветы, рисуя с него фрески, или головы невинных поданные на алтарь жертвы! – Так пусть твоя левая рука, столько лет смывавшая чужую кровь с правой, теперь ножом отсечёт всё лишнее пропитанное твоей кровью!

- БайзакаТулешАбадим! громко воскликнул Соро, указав палачу на кучу глины.

Фархан сверкнув испуганными глазами, бережно, нежно, словно своё дитя, ощупал кусок кроваво-бурой глины. Он провёл по ней пальцами, словно выискивая лишнее в куче живой плоти глины, а затем вогнал в неё с размаху нож!..

... Он терзал глину так, словно точно знал, что в «сердце» каждого комка заложена новая человеческая плоть, пусть не само сердце, пусть не душа, а вот это странное дрожащее подобие жабы! Но ему необходимо отсечь всё лишнее, сделать жабе руки из глины, ноги и новое тело из глины, а разум, это не его цель, пусть Соро вложит в голову то, что требует его сердце!

- Альматур! – Подойди ко мне! мальчик, сын одного из визирей, услышав голос палача, на дрожавших ногах, подошёл к нему. – Повернись! с усмешкой обезумевшего произнёс палач.

Но Альматур замер от страха на месте. Тогда палач с силой резанул ножом по куску глины, отсекая «лишнее». Некогда молчавшая глина, вдруг завизжала от боли так, что у палача зазвенело в ушах.

- Видишь, как ему больно? – Видишь? – Так вот смотри, или он будет визжать, когда я соделаю из него тебя, или ты, когда я соделаю тебе горб! грозно взревел ему палач, схватив за руку, сжав кисть мальчика до невыносимой боли.

- Нет, нет, пусть он! с не менее громким визгом прокричал мальчик, указывая пальцем на корчившийся от боли кусок, пропитанный кровью глины...

- Горы! воскликнул Соро.

Фархан отбросив тесак заработал как скульптор, лепя из этого месива нужное «изваяние» отрывая дрожащими пальцами ненужные куски кроваво-глиняной плоти, набрасывая на горб большее!

Плоть срасталась словно засыхала глина, пульсируя мелкими прожилками вен, и бледная плоть краснея наполнялась силою жизни, приводя всех в немой трепет ужаса.

Но палач с безумием в глазах лепил и отрывал куски глины «выпуская» во свет двойников, одного за другим, при этом рыча утробным звуком, пуская липкую пену с уголков рта.

Сыны сановников сидели в мгновение, а их глаза выцветали, превращаясь из тёмно-карих в блёкло песочный цвет, ибо глядевшие на них ямункуле, не только подменяли их сущность, но и выбирали, словно сквозь поры прозрачной кожи, их жизнь.

И вдруг всё стихло разом, и гнетущая тишина нависла тяжестью на всю пыточную, в которую со всех концов подземелья полезли сквозь всевозможные щели и трещины, полчища кровососущих многоножек и другой ядовитой мерзости, что обитала во мрак подземелий, словно невидимый дирижёр позвал всю нечисть вечной ночи на пир, предлагая куски тлетворной плоти, что оставалась после «работы» скульптора, и мрачный шорох тысяч и тысяч ножек, которые приближались с невероятным ускорением, наполнив живым страхом пыточную, ибо надвигается что-то невидимое и ужасное...!

- Сираз Мах Ра Ом! прошептал Соро, и повернувшись воскликнул в угоду присутствующим, - Ибо нет под небом вечного царства, где ради одного, калечат многих!..

...- Девятнадцать ларцов! Соро покосился на Кудо. – Они платили жизни своих сыновей! тихо прошептал Визирь.

- Они, да! Соро хотел было добавить, - А, ты? но сдержался, видя не желание Кудо расставаться с золотом, - жадность! зашипел жрец. – Жадность! – Глупость! – И Любовь!

- Что? прищутив глаза спросил Кудо, - Что кричал палач о языке?

- Палач, есть палач! невнятно ответил Соро, - Я прежде никогда не слышал, чтобы скорняк, в предсмертной агонии кричал об овчине! с напором продолжал Соро.

- Если рожаящая дева кричит мама, уж не думаешь ли ты, что мать терзает её плоть? Соро с вызовом посмотрел на Кудо.

- Я прошу тебя Расскажи мне? вновь настаивал Визирь.

- Я и не пытаюсь скрыть от тебя, о великий укротитель колёс, язык есть малый член человеческого тела! раздувая ноздри от гнева, произнёс Соро.

- Но я хочу знать! выпучил глаза Визирь.

- Ты хочешь, но не я хочу, тебе и прилагать усилия! Соро надвинулся телом на Визиря.

- Как смеешь ты! взревел Визирь.

- Срубив последнее дерево сада, дающее плоды, как свидетельство своего греха, не рискуешь ли ты остаться голодным? чуть овладев, вопрошал жрец.

- Садов на земле не счесть! прошипел подобно змее Визирь.

- Но лишь один сад, в котором ты хозяин, ибо, не связав сильного, твой ли это сад? сузил глаза Соро.

- Тому не нужны яблоки, кто имеет в довольство хлеб и мясо! с презрением воскликнул Кудо.

- Что-то я не припомню, чтобы жирный кусок баранины с хлебом глаголили о будущем! ответил Соро.

- Но и кислый лесной плод не есть источник знаний!

- Может быть стража твоя Визирь и зароет моё тело в тенистом горном ущелье, но какими мотыгами вы закопаете в землю истину! с достоинством вещал жрец.

- Дед мой, почтенный Абу Дана говорил: - Я вор! Так бейте меня плетьюми, рвите крючьями на части, жгите калёным железом, но лишь в час, когда безутешная вдова прольёт последнюю слезу над моей могилой! качаясь всем телом, чуть прикрыв глаза шептал Кудо, уже готовый позвать ударом в серебряный кувшин стражу.

- Глупость! вытаращил глаза жрец, - Конечно глупость! – Ибо ты, сын презренного ишака по кличке Абу Дана! – Уже ли не понимаешь ты, что если я смог из тёмного мира вызвать

живую плоть, то почему же ты думаешь, что твоя чёрная плоть войдя в тёмный мир не подвластна будет мне? – Ибо клянусь знанием небес, тысячу раз я вызову тебя из мрака теней, и тысячу раз тебя разорвут крючьями и изрубцуют плетьюми, как и просил твой дед вор! взревел Соро.

Визирь отшатнулся от наседающего на него жреца.

- К чему так утомлять друг друга жгучей, подобно летнему солнцу беседой о вечности!

– Не лучше ль позавтракать в тени благоухающих садов! Визирь посмотрел на жреца.

- Ты опечалил меня Визирь! – И всё-таки глупость! прошептал Соро...

ГЛАВА – 8

- ТАГИР И ДАНАЯ -

... И крылья ласточки мгновеньем
смахнут пыльцу с великих трав...

...Шелест весенней листвы предгорий Персии, поля, насыщенные благоуханием и обилием цвета трав, впитавших в себя ароматы волн Каспия, тревожили сердца.

А там, высоко в лазурном небе, где-то в близне пушистых облаков тихо кружили ласточки.

- И ты думаешь, что Любовь быстротечна, как полёт полевой птицы? Сын Великого Визиря, чудом избежавший калечения, тихо обнял за талию прекраснейшую из дев Персии Даная. Но та, едва качнувшись вперёд, жеманно прижала полевой букет к лицу, закрывая выступивший румянец на щеках.

- Даная! Прошептал Тагир, так же прикоснувшись к её букету, - Твоё сердце верит, что любовь быстротечна, как полёт этой птицы? Тагир сделал взмах рукой пытаясь привлечь внимание возлюбленной.

- То, что я с тобой одна в этом бескрайнем море цветов, разве не говорит тебе о том, что моё сердце наполнено ароматом Любви к тебе Тагир! Прошептала Даная.

Вдруг, от чего-то противясь своей воле, Тагир стал рассматривать странный полёт небесных птиц. Он силился оторвать взгляд от тревожно кружащих птиц, но не мог. Там высоко в небе вдруг мелькнула зловещая тень...

- И ты, о верный своему слову воин, ты не можешь измять цвет моей души сжав сердце моё, подобно первому бутону розы, едва появившемуся на свет! Даная обернулась, пытаясь посмотреть в глаза Тагира. Но тот, стоял в двух шагах от неё, пристально всматриваясь в небо.

Тень, чёрная тень, с быстротой молнии показалась из-за туч, подобная яркому блеску меча в жестокой тесной давке боя, словно вырвалась из вражеского строя.

- Тагир, если полевые цветы живут до заката солнца, то ведь ласточки, живут вечно? Совсем по-детски, с наивом шептала Даная.

- Вечно! Улыбнулся Тагир подойдя и прижав к своей груди голову Данаи, не давая девушке вырваться из его объятий. Ибо там, высоко в небе, мощным порывом могучего крыла, горный орел уже вонзил свои острые когти в тело маленькой ласточки, которая так и не смогла быстротой лёгкого крыла опередить смерть.

- Как не быстры ноги оленя, но остриё стрелы опередит спасение и за пятьдесят шагов! прошептал Тагир.

- Что? Даная с удивлением посмотрела на возлюбленного.

- Абу Дарьян! с улыбкой, едва скрывая волнение выговорил Тагир.

- А, по-моему, не к месту! Даная вырвалась из его объятий, и подобная горной лане побежала по полю.

Ей хотелось, чтобы он ревновал её даже к порыву ветра, обжигавшего её грудь. Она хотела, чтобы он топтал высокие травы, хлеставшие её стройные ноги, чтобы защитить её от них. Она хотела, чтобы он кружил и нёс её на руках в поля подобные волнам бушующего весеннего цвета. Но вдруг её внимание привлекло невесть откуда кружившее над полем пёрышко.

- Не трогай! громко закричал Тагир. Но Даная лишь раззадорилась испуганному крику и бежала, подняв левой рукой край платья.

- Нет! громко кричал Тагир, и помчался вслед.

Он уже корил себя, что сразу не побежал за ней, пытаясь насладиться игрой гибкого девичьего стана. Но сейчас, и мчался словно гепард за подраненной ланью.

- Нет! кричал он, и в невероятном прыжке, подобно дикому зверю бросился на спину Даная, ухватив её за плечи.

- Ну, нет же! шептал он, переворачивая поваленную «добычу» на спину.

- А вот и да! игриво улыбалась «лань» раскрывая тоненькие пальчики пухлой ладони около самых глаз Тагира.

Чуть окровавленное пёрышко несчастной ласточки трепетало пухом на ветру в её ладони.

- Боги! словно от боли взвыл Тагир, запрокинув голову назад, словно предчувствуя беду.

- Смерти сынок достаточно крохи, горошины, пёрышка и горе приходит горой! В голове звучал голос отца.

- Пёрышка! застонал Тагир. Даная встrepенулась, откинув перо прочь, потеряв ладонь о ладонь.

...- Сын мой не бери с трупа поверженного врага твоего и алмаз величиной с яйцо, ибо знаешь ли ты, что таит в себе камень? Но знаешь ты точно то, что последнее видел камень, есть смерть! – И не камень ли частица смерти, ибо иных убили и за грош! Взявший в руки смерть, уже ли вымоет руки водой! голос отца, вновь ворвался в разум Тагира.

- Что с тобой? спросила Даная. Но в этот же самый момент Тагир услышал топот копыт, доносившийся с юга от стен дворца Царя царей...

...- Тяжело бегать за ящерицей, напитавшейся солнечным зноем, не проще ли окатить её холодной водой! Сорокак-то совсем неожиданно поёжился.

- О, повелитель, Верховный Визирь считает, что его сын вне опасности, а я лишь больной зуб во рту его! прошептал он.

- Слепец, о, если бы ты знал, как мучается ящерица от воды, разнежившись на солнце!

- Я догадываюсь Повелитель! торопливо ответил Соро.

Верховный жрец чуть скосил взгляд на Соро.

- Только собаки лают, заявляя о себе, но великий и мудрый змей, даже глядя в глаза кролика манит его себе в пасть! – Ты есть кто? – Мудрый змей или лающий пёс?

- Я? Соро опешил.

- Ну так докажи мне, не говоря и слова, что Кир Царь царей полезет тебе в пасть! Верховный жрец со злобой ударил посохом об пол...

...- О, Великий Царь царей, повелитель вселенной и всего что за пределами её, о свет...

- Довольно, Кир поморщился, - На тебе знатный халат и почтенные уста, я слушаю тебя, но не долго, ибо я занят вершением судеб Государства моего! Кир чуть прикрыл глаза, словно пытаясь уснуть.

Соро раскинувшись на полу подле ног Великого Кира, едва шевелил языком, не понимая – как? – Почему? Его пусть и в шитом золотом халате, стража так легко пустила к ногам царя царей.

- Слово! произнёс страж ухватив за шею, словно щенка Соро.

- Измена! прохрипел Соро. Кир, словно очнулся ото сна.

- Если ты думаешь собака, что тому больно, кому в рот влили расплавленный свинец! – то истинно говорю тебе, ты глупец! – Ибо этот «напиток» лишь заглушит твою боль, тварь! взревел Кир.

- Разве глаза твои о великий не лучше ли расскажут сердцу твоему, чем поганые уста мои! Еле-еле шептал Соро – Ибо нет на земле лучшего свидетеля, чем очи твои! хрипел жрец.

- Будучи с войском в горячей зноем пустыни, нам не раз грезились прохладные воды! словно, змей, жаждущий добычи, произнёс Кир.

- Видения эти быстротечны, и к тому же их невозможно потрогать и приблизиться к ним, а мой предмет, скажи лишь слово и будет у ног твоих Повелитель!

Кир рухнул всем телом в золочённый трон.

- Скажешь Казиму, чтобы дал этой собаке воинов! Кир махнул рукой в сторону Соро, пристально глядя в глаза огромного стражника, стоявшего напротив...

...- Кудо! Кир, благодушно улыбаясь двинулся к лежавшему на полу визирю.

- Очи твои устремлены вниз! – Что видят они в мраморе пола дворца моего, и что есть дворец мой в просторах вселенной! улыбаясь, добавил Кир.

Царь царей вёл себя странно. Нет, конечно, бывали дни и даже недели, когда он, внимая предсказаниям Кудо, был послушнее ребёнка, но как правило эти дни были трагедией для империи. Голод, кровавые войны, осада самого дворца Кира, в конце концов болезнь Царя царей. Но теперь? Кудо был обескуражен. Вдобавок ко всему Визирь заметил, что царь, говоря с ним, говорит и отвечает, как бы ни ему, нет, конечно же он не говорил не впопад, нет! Но он так живо реагировал на вещи и отвечал подобно мудрецам, такого визирь припомнить не мог.

Странная тирада слов звучала в этот день в голове Кира, и повинуюсь более голосу, чем желанию, он за долгие годы первый раз опоясался ещё дедовским мечом, с огромной рукоятью под стать дедовской руке. Рукоять всё время мешала ему, он двигал меч то ближе, то дальше от середины бедра, как бы отодвигая рукоять вперед.

- Сегодня, достойный Кудо, я намерен развлечь тебя танцем рабов моих! Кир весело усмехнулся, даже сделав руками некий танцующий жест.

- О чём танец сей? вопрошал визирь.

- О любви, ненависти, предательстве и конечно же о глупости, то есть о том, что правит миром! задумчиво ответил Кир.

- Но миром, о Великий, правит твоя рука, твоя воля! залепетал Кудо заученные фразы.

- Разве? искренне удивился Кир – Я могу заставить тысячу рабов моего государства умереть! – Но ни одного самого ничтожного умирающего от старости раба, жить! – Значит над последним нет моей воли! – Разве ты знающий тайны звёзд не знаешь этой Земной истины? – Или ты погряз во лжи?

- Всё бывает в первый раз, и печаль от того, что часто и в последний! Кир отхлебнул из золотого кубка.

- Я не пойму по слабости ума своего, что терзает сердце твоё царь царей? трясаясь всем телом, вопрошал визирь.

- Ложь! еле сдерживая дрожь в руках, процедил сквозь зубы Кир.

- Ложь из уст моих?

- Скажи, вернёт ли кто на земле то время, что мы беседуем с тобой, крадя время из мгновений удовольствия? шипел Кир, - Ну если это во благо моё, я радуюсь сему, но, если это во имя лжи!!! – Тогда кто же твой господин Визирь, уж не имя ли ему ЛОЖЬ!

- Я не лгал, о, царь царей! Визирь лежал лицом ниц перед ногами Кира.

Два огромных звероподобных стражника, из числа телохранителей Кира, широко распахнув золочённые двери залы дворца, буквально волокли нечто, покрытое чёрной золочёной парчой.

Тихий ропот пронёсся по мраморным стенам дворца, отражаясь эхом страха в сердцах присутствующих. Но ни рабынь, ни наложниц, по обыкновению круживших в замысловатых танцах, ни музыкантов старающихся подражать пению райских птиц, извергающих из тонких струн старинных инструментов, не было.

Кир ещё раз кивнул страже и на середину залы вышел уличный факир, развлекающий драную толпу игрой со змеями, в зловонной плетёной корзине, не менее омерзительной, чем само зрелище.

Кудо напрягся от боли в груди, сковавшей всё тело, в предчувствии нечто ужасного.

- Змеи имеют ли разум визирь? – Встань! не глядя на Кудо, произнёс царь. – Я, думаю нет, ибо они вкушают прах отвратительных мышей! – Ибо имеющий разум вкушает ли подобное мясо! Кир зло усмехнулся. – Но, однако, все мудрецы вокруг твердят, что нет существа умнее змея! Царь царей залился хохотом. – Не знаю! – Но вот мой змей имеет точно разум, хотя его слух и есть внимание дудки факира, но поверь мне Визирь, что змей сей будет слушать только мой голос! – Мой! взревел в истерике Кир, меняя смех на истошный крик.

ГЛАВА – 9

- ЗМЕЙ КИРА –

... - Сделайте из него змея! произнёс Кир, когда тремя часами ранее стражники царя показали ему связанного по рукам и ногам сына Кудо, Тагира.

- Послушай меня, недостойный потомок ядовитой змеи! не глядя на юношу, продолжал Кир. – Если ты сможешь доползти до ног моих, то клянусь Небом и что в нём, я пощажу твою возлюбленную! и чуть выдержав паузу добавил, - Данаю! Но если нет, я отправлю её в самый ничтожный караван, с погонщиками самых вшивых верблюдов, носящих на своих горбах товар, что вряд ли имеет спрос даже у бедняков! И может быть она и будет самый достойный товар для сердца злобного купца, самой отдалённой страны моей могучей империи! Тагир дрогнул всем телом...

Он умолял небо сохранить ему остатки жизни, когда кровавая пелена застилала его глаза...

- Ну вот, а яда ты и не имел! прохрипел палач, оставляя два верхних зуба, как у змеи, со знанием своего кровавого дела осматривая оголённый череп и переломанные руки, и ноги, в некоторых местах стянутые железными кольцами, как бы создавая единое змеиное тело...

...Уличный факир присел на корточки, словно это не был дворец Кира, а уличная площадь с толпой полной уличных зевак.

- Твой звёздный час факир! засмеялся царь царей, косясь на своего главного звездочёта.

- О, если твоя душа не вызовет змея! Кир прикрикнул на факира, и тот словно плавая в волнах ужаса, принялся выдувать из старой дудки диковинные звуки известные ему одному.

Но покрывало, прячущее змея, даже не пошевелилось.

- Громче! хохотал Кир. – Ибо, это очень большой и ядовитый гад, и он любит только громкие звуки! Факир с большим усердием принялся за дело, но покрывало даже не тронулось с места.

- Ты лжец! – Ты не факир! смеялся Кир. – Ты даже не можешь повеселить сердце своего царя, как толпу уличных зевак! – Они то платят тебе медью, но плачу золотом!

- Кругом, кругом все служат лжи, а не мне, и только я выполняю своё слово! – Стража! взревел Кир.

- Послушай потомок навозного червя, который делит еду со своими змеями от старости, потерявшими жало! – Не дальних ли родственников будила твоя флейта? расхохотался царь, под общий хохот присутствующих.

- Не раздвоен ли у тебя язык? чуть наклонив голову, произнёс он, смотря на трясущегося от страха факира.

- Я обещал тебе золота столько, сколько вместит твоё поганое тряпье? грозно вскричал он. Зал тотчас замер, факир испуганно кивнул головой.

- Но ведь ты не развеселил меня плут! – Ты червь, не смог договориться со старшим дядей? снова зло хохотал Кир, - А просишь золота?

- Я не просил о Великий! взмолился факир.

- Ложь, ибо вон как блестят от жажды наживы глаза твои, презренный! – А, кстати, где же твои лохмотья? Царь видел новое одеяние факира, в которое стража облачила его, дабы предстал он пред царём.

— Это моя одежда и если ты наг, то да не нарушится слово моё, носи золото в себе! воскликнул Кир, и тотчас вбежавшие в залу палачи по команде его, влили в горло несчастного огромную пышущую жаром струю заскалённого золота.

- Что скажешь Визирь? Кир посмотрел на Кудо.

- А, а, а, ты подумал, как неразумно тратит золото империи глупый Кир?! – Как он недостойный разбазаривает богатство предков!

- Золото! – которое я влил в пасть этого шакала, - его! – Но вонючая, пахнущая навозом шкура, ни на что не годного негодяя моя, ибо он раб и сын раба! – Но, если шкура осла есть собственность двух погонщиков, кто же делит её по волоску? Кир расхохотался.

- Но от осла требуется сила! не сводя глаз с покрывала, произнёс визирь.

- Откуда? – Скажи мне Визирь, откуда у этого шакала сила! взревел Кир, - или ты настолько глуп и слеп, что не можешь отличить воина и труженика от шакала? ревел царь царей. – Боги! – Кому я доверял судьбу государства! негодовал он.

- За твою ложь! – Ибо не мне ты служил, но лжи! – И только я в империи могу держать своё слово! И Кир снова, как бы устало плюхнулся на подушки подле Кудо.

- Я же обещал тебе, что змей, послушается, только меня! – Снимите покрывало! воскликнул Царь царей.

Муки, казалось, сами муки разбрызгали по кровавому полу дворца Кира капельки страданий, вливающих в лужи адовой реки преисподние.

Тагир с каждым движением тела, крича от боли, заглушая, наверное, самый грозный рёв камнепада в горах, полз подобно змею, блистая кровавой чешуёй содранной кожи в свете факелов дворца.

Кудо увидев нечто скользкое от крови, нечто непонятное от формы, явственно понимал, что это крик его сына! Сына, а более ничего, чтобы теперь удерживало его на земле.

Он ухватил рукой старинную так мешавшую царю царей рукоять меча, и вогнал ненасытное лезвие меча, за столько лет так и не насытившееся кровью в грудь, потом в чрево, и лицо царя царей.

И стража, на половину давно уже, купленная Кудо, вдруг развернула отчаянный бой между собой, ибо одни повинувшись долгу пред царём пытались спасти умирающего Кира, а другие, понимая что с падением визиря падёт и их власть, а значит и владение доброй части земель и войска царя царей, чего допустить было невозможно, ибо каждый видел участь сына Визиря.

Поэтому кровь рекой заливала залу дворца царя царей, смывая весь грех и ужас, а сними шептание и доносы дворца Кира, стекая по мраморным ступеням прочь от истошно вопивших от боли и смерти...

... В год, когда Солнце окрасило лишь часть светила Луны, ибо вторая её половина, была черна от грехов людских, в этот чёрный от веков забвения год, на трон взошёл изогнутый от грехов отца мальчик, именуемый Великим Сыном, Самого Повелителя Солнца. Живший доселе в узах нечестивого отца, искалеченной спиной расплачиваясь пред Истинным Отцом Владыкой Света, за безмолвие и плачь и за хвалу отца грехов именем – Кир...

Топя в бесполезных войнах величие государства, с безумством обречённых разбазаривая казну некогда Великой Империи, увеличивая и без того непомерные налоги, моря население Империи голодом, юные, горбатые советники Царя «Света» опустошили подобно саранче, жрущей цветущие сады, империю. Бросив, словно бабочка кокон ненужного царя царей...

Наполеон качнулся всем телом в кресле.

- Я вижу, там есть что-то ещё? Жюно напрягся всем телом.

- Нечто не существенное...! – Мой генерал!

Наполеон резко оборвал его. – Позвольте дорогой Жюно, мне решать, что есть существенно, что нет, или теперь вы возглавляете поход? – читайте, чёрт бы вас побрал!..

ГЛАВА – 10

- ЦАРЬ МИНОС –

...Жрец Соро плакал, плакал, словно дитя в одиночестве, в котором, собственно, и находился, однако играющая на полу возле огня тень ребёнка, трогала его до слёз.

- О, небо! – За что? роняя слёзы, шептал жрец. Ребёнок вздрогнул, хотя вряд ли понимал своего родителя. Тень от играющего дитя добралась до ног Соро, и тот, запрокинув голову, зарыдал ещё сильнее, словно эта тень ранила его в самое сердце. Ребёнок, задржав голову замер и странная тень, словно острые лезвия мечей играющего застыли, ибо голову существа украшали рога!

- Что, желания быть подобно богам затмили твой разум? неожиданный голос Верховного жреца СОВЕТА, заставив Соро вздрогнуть всем телом.

На острове Крит Соро хотел сохранить от глаз людских свою тайну, но от СОВЕТА скрыть ничего нельзя, и он ждал, неосознанно, но ждал появления Верховного жреца.

- Укрой легендой столь полюбившееся тебе своё творение, облеку в загадку, а тайну вечность унесёт в свою могилу, если у этой вечности есть покой! прошептал Верховный жрец...

- Минос! Проклятый Минос! взревел Соро. – Ты червь питающийся дохлой рыбой, ибо сам не способен отловить и меры кефали!

- Уже ли не хочешь есть досыта и кормить своих обезьян, которых ты гордо называешь Минойцами? – Не говори ничего, ибо и ничего для тебя слишком много! – Если я вдруг услышу мычание с набором слов... А мне от тебя полезнее только тишина!

- Ты будешь великим царём! Соро поморщился, словно от приступа боли в голове. Здесь на южной оконечности острова Крит, где благоухали причудливого вида травы и цветы, где бабочки, почти не пуганные сандалом Египтянина, кружили взмахом божественных крыльев около коленей жреца, порхая в лазурные дали полей, Соро наклонился к ручью, зачерпнув нетронутую прохладу девственной чистоты вод.

- За то, что ты...! Соро превратился, отирая лицом, водой. – Словом, ты построишь Дворец в Кноссе, я нареку тебя царь Минос, но ты сам не сделаешь и шагу в тот дворец! Соро снова поморщился, испытывая толи мучения от зноя палящего солнца, толи от беседы с «царём».

- Там! указал посохом Соро.

- О, Великий, но кто же будет владеть дворцом! громко воскликнул будущий Владыка Крита.

- Ещё слово раб, и я...! родитель замялся, - Мой сын! тихо добавил он...

...Сотни свитков с подробным описанием дворца и подземных галерей были доставлены рабами на Крит, сотни и сотни умов, отправились на остров, дабы выполнять приказ Верховного жреца, тысячи рабов, галер, воинов, голов скота, тысячи припасов и огромных каменных стел, тысячи...

...Однажды по прошествии десяти лет после завершения строительства дворца, Минос, расположившись на шёлковых подушках в тенистых аллеях своего дворца, выстроенного отдельно от дворца Кносса, тихо размышлял со своей женой Кассандрой о «Вечном».

- Всё принадлежит мне, всё в руке моей! размышлял Минос.

Но Кассандра, чуть скосив глаза на «Философа» с присущей женщинам е положения, с ехидством добавила: - Особенно Египет! Минос дрогнул всем телом, словно ужаленный в самое горло и от наступившего спазма хрипло процедил: - А знаешь ли ты, женщина, что сотни

и сотни галер с моими войнами, уже направили свои боевые тараны на юг! И указал в сторону Египта.

- Угу! Ещё более ядовито прошептала жена: - Особенно впечатляет то, что ни один воин не вошёл во дворец Кносс, зато решил покорить Египет!

- Кносс! Откуда ты знаешь?

- Знаю, знаю! не унималась Кассандра – Да ты и сам, не имеешь ключей от дворца! ужалила она.

- Я! взревел обиженный Минос.

- Ты! не уступала она.

- Ну берегись несчастная, ибо клянусь Небом и всем что в нём, утром, слышишь меня, утром, я поведу тебя по галереям дворца, - не будь я Минос! грозно воскликнул царь.

Иафет, Блюм и Минотаки, самые сильные и преданные воины из числа стражи царя Миноса, внимали каждое слово владыки Крита. Иафет кивал головой, его огромные мускулы бугрились под бронзовой кожей, словно огромные отшлифованные прибором камни.

- Никого! по слогам добавил Минос, положив ладонь, унизанную камнями на мощный кулак Иафета. И тот тотчас вновь кивнул головой.

- Их много там? Блюм взглянул в сторону Кносса.

— Это ты и узнаешь Блюм! зло отрезал Минос. Блюм склонил голову в знак покорности царю...

Скользя словно тень смерти в лунной, безветренной ночи, Иафет с лёгкостью подобной лани перемахнул каменное ограждение дворца Кносс, в человеческий рост.

Белая тень жреца Кносса, тихо сидела подле небольшого резервуара с водой, выполненного искусной рукой зодчего в виде небольшого каменного пруда.

Иафет, беззвучно как снежный барс подкрался к жрецу, и выжидая, когда тот вновь наклонится к воде, напрягся всем телом, предвкушая как он вопьётся «стальными» пальцами своих рук в тонкую шею юного жреца.

- Делай то, зачем пришёл... пусть будет жертва! произнёс жрец, не оборачиваясь к Иафету.

Иафет дрогнул от неожиданности, и боясь, что жрец поднимет крик набросился на него.

— Это тебе за пшеницу и за амфоры с питьём, что мы посылали тебе! Ревел, едва не лишаясь разума Иафет, сдавив с хрустом тонкую шею жреца, утопив уже бездыханное тело в тихой глади воды.

- Сдохни! хрипел он, дико озираясь по сторонам, будто не сам царь послал его сюда, и он словно вор и убийца появился в покоях дворца.

- Там ещё трое, но я думаю Минотаки...!

- Что? обезумев от внезапного появления Блюма, воскликнул Иафет, и шёпотом добавил – Трое???

- Говори в голос! жёстко произнёс Блюм, сжимая перед носом Иафета, кровавые пальцы рук.

Минотаки, прирождённый грек, которому с детства внушали его превосходство над родом дикарей, потомок самого Ахилла, и впрямь виртуозно владел мечом. Трое жрецов, прижавшись к стенам подземелья дворца, отбивались от гнавшего их словно зайцев матёрого волка, кто чем мог.

- Жертва! – Нужна жертва! – Уже пора пролиться его крови! совсем, казалось, не к месту причитали жрецы, не оказывая внятного сопротивления Минотаки. Грек резким выпадом сразил остриём меча одного из жрецов, всего на мгновение закрывшего от страха лицо руками. Остриё меча вонзилось в грудь несчастного, но Минотаки не дав погрузиться острому лезвию, резко вырвал клинок из груди жреца, и с силой ударил наотмашь рядом стоявшего. Голова

несчастного отскочила от тела, словно кочан капусты, вылетающий с грядки под ударом ноги уничтожающего посева варвара. Но силы удара Минотаки не хватило, чтобы хотя бы ранить третьего жреца. Тот поднял руки вверх, как обычно делают дети, прикрываясь от оплеух обидчика, и лезвие меча остановилось на ладонь от предплечья его. Но Минотаки тотчас отбросил локоть назад и с яростью навалился всей массой, нанёс колющий удар в грудь. Но жрец и не думал сопротивляться, он лишь скрестил руки на груди, и лезвие меча остановилось вновь на ладонь от его чрева.

Минотаки на мгновение опешил, но поддаваясь инстинкту воина, набросился вновь на жреца с новой силой, нанося удары в грудь, голову, бедро, в лицо. Он рубил его словно дюжий ствол дерева, когда юный воин впервые взявший в руки меч пытается на древней коре дуба, опробовать силу руки и остриё меча. Но, ни один из ударов не смог достичь цели. Жрец стоял, неподвижно и молча глядя пред собой.

Минотаки отскочил в сторону с удивлением и страхом глядя на соперника тяжело дыша вытянув правую руку с мечом вперёд.

- Жертва, ему нужна жертва! тихо произнёс жрец и рухнув на колени склонил голову пред ногами Минотаки, оголив тонкую гибкую шею.

- Ха! взревел Минотаки, с хрустом срубая голову с плеч.

- Всё? едва сдерживая дыхание, произнесли почти хором Блюм и Иафет, подходя к Минотаки.

- Всё! как-то испуганно произнёс тот, дрожащей рукой сжимая рукоять окровавленного меча. – Всё! добавил он, разглядывая обезглавленное тело...

...Поворот, ещё, странные изображения фигур людей и животных, запах подвального воздуха, смешанного с ароматом благовоний, снова изображения фигур людей, факел, ещё факел. Мрак! Мрак. Густой чёрный мрак, словно покрывало ночи, мрак плотнее тысячи туманов, мрак за которым что-то движется, дышит, подобно грозному ветру моря сокрушающего скалы, разрывающего плоть до крови, но вырывающийся из мрака, но всё же только мрак удерживает его, и факел не... пробивает светом покрывало тьмы.

- Идём! бесстрашно взревел Иафет и первым шагнул во мрак...

- Посмотри Блюм! – Он видит нас! Иафет с удивлением смотрел на НЕГО.

- Да, видит! Блюм опустил меч.

Их взорам предстал огромный атлет на три, или даже четыре локтя выше их. Его совершенное тело отражало ровным светом отблески пламени факела, его голубые глаза совсем подобному смотрели на них с удивлением рассматривая прищельцев и только... только бычья голова с огромными острыми рогами украшала плечи гиганта.

- Он рад нам! опешил Минотаки.

- Рад! Как-то растерянно кивнул Иафет...

...Дай ему огурец, дай, не бойся! с хохотом произнёс Минос, обнимая за плечи дрожащего от страха при виде Минотавра греческого купца.

- Смелее, смелее! хохотал Минос, и тотчас швырнул в лицо Минотавра горсть винограда.

- О, великий, тебе подвластно это чудовище? шептал купец.

- Как и всё в этом мире! заносчиво произнёс Минос, и взмахом руки указал на дивной красоты стены дворца Кносс – Даже когда я бью его плетью, он подобно щенку вьётся возле моих ног! добавил Минос и схватив висевшую на стене плеть, ударил ею Минотавра.

- О, великий! воскликнул с восторгом купец.

- Идём, теперь есть время для беседы! Минос обнял за плечи купца, уводя его в свои покои.

- Каждому! Минос отхлебнул от золочёного кубка сладковатое, пахнувшее смолой греческое вино. – И они...! кивнул головой купец. – И они, сами, могут убедиться в чудовище, которое я скрываю во дворце своём! добавил Минос. – Но затем! продолжил он.

- О, нет, о нет, о великий, не оскорбляй разум мой разъяснением очевидного, ибо если ты владеешь таким чудовищем, что же таится в недрах дворца сего? Купец поднял палец вверх.

Минос утвердительно кивнул головой.

- Страх! – О, какой же они испытают страх! заулыбался купец, предвкушая слухи, словно мор чумы, распространяющийся по пределам Греции.

- А я, что же я получу от тебя о Великий царь Минос? Купец алчно блеснул глазами, Минос устало потянулся к огурцу.

- Кто тебе сказал купец, что чудовище питается огурцами? Минос посмотрел в сторону роскошного голубого панно с украшением в виде дельфинов.

- Ты! несколько осторожно произнёс купец.

- Я???разыграл удивление Минос.

- Я? – Я говорил тебе глупый купец, что Он питается девственницами, причём самыми красивыми девственницами со всей Греции, которых ты купец и будешь возить сюда на остров, в виде откупа от дьявольских желаний чудовища, чтобы ОНО, не ринулось на Грецию и не растерзало каждого! И смеясь Минос вложил в руку купца огурец.

Купец, тотчас сообразив выгоду от условий Миноса, залился весёлым смехом, кланяясь в ноги царю...

... Прошло много лет и Греция, платя дань юными девственницами «свирепому» Мино-тавру искала героя, который избавит многострадальный народ от позорной платы...

...- Они бьют его плетью, они кормят его помоями, они...!

- Замолчи Соро! – Ибо я знаю, что произошло! Верховный жрец СОВЕТА, тихо прошёлся по огромной зале пирамиды, - Чего хочешь ты Соро? Верховный жрец посмотрел на него.

- Тысячу кораблей к Криту! – Тысячу! зашипел Соро, - И тело царя Миноса мне! тихо добавил он. – Позволь мне самому исправить свои ошибки!

Но верховный жрец молча повернулся к нему спиной...

ГЛАВА -11

- АРИАДНА –

... Нестерпимая жара летней ночи мучала Ариадну и опахало слуг, усердно работающих огромными веерами подле её ложа, лишь раскачивали жаркий, накалённый воздух летней ночи. Казалось, сами камни прогревшись от дневного зноя источают вопли отчаяния, выбрасывая с криком остатки жара с мощного каменного тела.

Ариадна открыла глаза и встав с влажной постели шагнула прочь из покоев дворца. Она мысленно уже шла к ручью, бежавшему с гор, ибо там, в сиреновой дымке ночи, присев на каменную спину исполина, опустив ладони в тихую гладь ручья, могла бы насладиться прохладой. Отдёрнув тонкую занавесь, она хотела было...

- Кто ты? опешил Ариадна, увидев перед собой незнакомца стоявшим за занавеской прохода и пристально смотревшего на неё. Крик помощи комом застыл в горле Ариадны.

Стоявший перед ней старец, опиравшийся на диковинного вида посох, лишь прошептал.

- Я друг твоего отца! – Идём! всё так же тихо добавил он.

Ариадна, вопреки своей воли последовала вслед за ним.

- Ты же знаешь о Минотавре в Кноссе! Тихо продолжал он, увлекая её за собой.

- Да! покорно ответила она.

- Тебе по сердцу его муки? спросил незнакомец, не оборачиваясь, идя, словно бы скользя по каменной дороге, не нарушая хрустом тишину прибрежной гальки.

- Нет! И тотчас разум Ариадны «затрясся» от восхищения, ибо искусная, голубоватая мозаика стены канала и дворца в виде ныряющих в воду дельфинов, вдруг ожила! Забавные морские животные, вдруг стали двигаться сами собой по стене канала и дворца! Они двигались как бы по ходу движения Ариадны, сиюминутно подставив ей мокрые спины! Ариадна обернулась, и вдруг явственно поняла, что дворец с ожившими вдруг морскими животными находится на самой вершине гигантской волны, поднявшей дворец над гладью моря.

- О, боги! – Как прекрасен Кносс! воскликнула она.

Но тотчас спины каменных великанов башен дворца задвигались в ночи. Они, насладившись прохладой земли, вот-вот выпрямят гигантские спины, сдавив просторы самого острова.

- Боги! возопила Ариадна.

- Боги??? Вдруг в голос воскликнул незнакомец. – Минотавр твой сын! глядя прямо в лицо Ариадне, произнёс он.

- Мой сын? едва не теряя разум, повторила она.

- Твой!

- Но нет, нет, нет, я никогда не знала мужчин, я...! начала вдруг оправдываться она.

- Я, так хотел! Жрец ударил посохом оземь, и вдруг в глади прохладного ручья отразилась картина, которую увидела дочь царя Миноса.

... Не нарушая тишины покоев дворца юноша виночерпий царя Миноса, тихонько пробирается к ложу Ариадны, и украдкой словно вор, берёт с постели её волосы и режет прядь остриём ножа, затем пряча за пазухой уходит прочь...

Смех, громкий смех, Ариадна играет с глиняной тарелкой, по правилам игры её рабыни, сиюминутно поднимая её вверх не давая дерзкой рабыне вырвать её, из руки Ариадны. Крик, стон, бежащие слуги, Ариадна порезалась о край острого черепка. Дворцовый лекарь бежит со всех ног отталкивает рабыню, торопясь оказать помощь Ариадне, но рабыня прячет осколок тарелки с кровью за пазуху и спешит прочь.

Виночерпий вот он, вот его лицо на глади воды, наливает ей вино в кубок, Ариадна морщится от боли, внезапно поразившей её живот. Снова лекарь, потом туман, туман растворивший мрак воды и самовидение.

- Они! – Принесли мне твою плоть! – И я создал его, скрестив свою плоть и магию моих знаний с твоей плотью Ариадна! громко воскликнул Соро.

- О, Боги! она вдруг явно ощутила всю боль, доставшуюся от бича царя Миноса, рвавшую плоть Минотавра, уколовшую её в самое сердце.

- Но почему он так безобразен? вдруг воскликнула Ариадна.

- Безобразен???взревел от злобы жрец. – Потому что прямой нос и большие глаза, розовые щёки и пухлые губы, густые волосы и белизна кожи! – Вот что рисует тебе твоё глупое воображение о красоте! – А всё иное уродство? – Но скажи мне о, женщина, юноша красавец покоритель вершин Олимпа, совративший и бросивший несчастную, обманутую им девушку, уже ли горбун? – О нет, он – красив, строен, умён на язык, ибо язык лжи шипение змеи!

- Но он герой – Олимпа! жрец ударил посохом о землю. – А мой сын, мой Минотавр? – Он ударил кого-то, нет! – Он обидел кого-то, нет! Он подставляет спину под ваши плети, он покорно терпит усмешки глумящейся над ним толпы зевак из купцов и никого не убил! – Хотя Минотавр сильнее десятка олимпийцев! – И вы шепчите, - «урод», «чудовище»! – Потому что он не такой, как видит его ваше воображение! Жрец затих, опустив голову.

- Я не собираюсь оправдываться перед тобой, ибо картина рождения ребёнка страшна и отвратительна в глазах случайно видевшего это, но это есть жизнь! – И как прекрасна картина Блуда – но это смерть, ибо блуд не только болезни, но и смерть от руки обманутого мужа! – И так ли правда красива, как хмельная ложь? – Ибо и тебе больно от правды, что твой отец – Дикарь, а ты мать ужасной твари! – Но довольно! Соро пристально посмотрел на Ариадну – Или твой возлюбленный Тиссей, убьёт Минотавра, избавив его от мучений, и ты Ариадна поможешь ему, либо великаны сомкнут спины и ваш остров будет уничтожен! И Соро ударил посохом по огромным валунам...

ГЛАВА – 12

- ТИСЕЙ –

... Тиссей могучий воин из пределов южного побережья Спарты, крался словно вор в ночи, стремясь увидеть свою возлюбленную Ариадну.

- Милый! окрик Ариадны заставил вздрогнуть могучие плечи воина.

- Сколько нам ещё прятаться, идём на корабль! страстно обнимая возлюбленную, шептал Тиссей.

- Подожди! Ариадна заграждала ладонью уста Тиссея. – Ты должен мне поклясться, что сначала выполнишь моё условие! шептала она.

- Тогда торопись со словом! улыбнулся разгорячённый влюблённый.

- Ты убьёшь Минотавра! грозно сказала Ариадна.

- И всё? Тиссей даже растерялся от слов возлюбленной, ибо он самый могучий воин Спарты, он герой Олимпа, с радостью достойной жениха, пронзил бы мечом мерзкую тварь, обитающую в подземелье Кносса, пожирающую прекрасных дев Греции.

- Когда? почти зарычал Тиссей, сжав рукоять меча.

- Ты же торопил меня на корабль? усмехнулась Ариадна.

- Когда? взревел Тиссей в ответ.

- Пойдём со мной! Ариадна взяла его за руку...

Иафет, Блюм и Минатаки, спокойно пиршествовали посреди ночи в подземелье Кносса, обильно угощая себя яствами от тех запасов, что посылал царь Минотавру.

Они бросали косточки в спящего Минотавра разражаясь при этом громким смехом.

- Тихо! Вдруг воскликнул Иафет, вскакивая со своего места.

Там в глубине лабиринта подземелья он услышал шум шагов.

- Где ты паршивая облысевшая крыса, где, я иду за тобой! громкий голос послышался в середине туннеля, ведущего прямо к ним. – Где ты прячешь свой облезлый зад, глупый, жирный вепрь, спрятавшийся от страха в норе крота? – Я Тиссей сын Патрокла, иду за тобой! ревел он злобным эхом.

Тиссей выхватив из ножен меч, рукоятью чиркнул белую линию на стене лабиринта, зачёркивая рисунки о самом Минотавре. Он шёл не прячась. Сжимая в руке факел, а другой, дробя известняк стены меч.

- Где ты? взревел он.

- Вы кто? чуть опешил Тиссей, увидя Иафета, Блюма и Минатаки. – Если хотите жить, прочь отсюда! воскликнул он, глядя прямо на них.

Вместо ответа, Блюм выхватил меч.

Подобный урагану разбушевавшегося моря, Тиссей набросился на своих врагов.

С быстротой молнии Тиссей ударил горящим факелом, зажатым в левой руке в лицо Иафета. Гигант взвыл от боли и не дав опомниться противникам, Тиссей с силой нанёс удар Блюму правой ногой. Удар был такой силы, что вряд ли бы выдержали ворота крепости такого «тарана». Блюм, сложившись пополам отлетел в темноту лабиринта, и лишь Минатаки увернулся от удара Тиссея, который ранее рукоятью меча силился разнести в щепки висок и череп противника.

- Грек? ухмыльнулся Тиссей, оценив знакомый уклон противника.

- Нет, я твоя смерть! взревел Минатаки, ринувшись на Тиссея, обнажая меч.

Но Тиссей, герой Олимпа и не думал отступать, он перехватил руку Минатаки сжимающую меч, и словно юношу откинул его к стене.

- Щенок! – Я сожалею, что тебя убьёт Спартанец, тебя щенка хромой одноглазой выдры, только и способного пожирать падаль!

И вдруг совсем неожиданно для Минатаки, Тиссей ухватил за руки ревавшего от боли Иафета, одним движением развернул его спиной, прижав к груди загородившись от Минатаки живым щитом, и с резким громким хрустом сломал ему шею, развернув голову к себе, как бы желая заглянуть в выжженные факелом глаза противника.

Минатаки шагнул назад, но было поздно, ибо с проворством опытного злобного хищника Тиссей подсел под обмякшее тело Иафета и приняв его на плечи, играя мощными мускулами, сбросил его на Минатаки. От неожиданности Минатаки выронил меч, сию секунду скинуть с себя труп Иафета. Но Тиссей грозно поставил мускулистую ногу на грудь поверженного Иафета, стальная колонна мощной ноги атлета была обута в кованые железными шипами воловий кожи сандалии, надавила с хрустом ломавшихся рёбер на грудь Иафета. Но Минатаки не терял надежды.

- Блюм! взревел он из последних сил, - Блюм! Но тот корчась от боли хватал окровавленным ртом воздух, сдавливая себе живот, как бы пытаясь удержать на месте лопнувшие внутренности прибитого «тараном» Тиссей чрева.

- Блюм! еле дыша, шептал Минатаки.

Тиссей грозно посмотрел на поверженного врага и с рёвом достойного дикого зверя, со свистом рассекая воздух, вогнал по рукоять лезвие меча уже в бездыханную грудь Иафета, пронзив обоих.

- До встречи в Аиде грек! грозно воскликнул Тиссей.

Вдруг его взгляд привлекла цепь, прибитая огромным кольцом к каменному полу лабиринта.

- Иди сюда! грозно прорычал Тиссей, потянув руками стальные звенья цепи.

- И это ты называла чудовищем? Тиссей присев на корточки, едва касаясь остриём меча горла Минотавра левой рукой, держа цепь со стальным ошейником произнёс вышедшей из тени лабиринта Ариадне. Она со страхом смотрела на Тиссея, так же с удивлением рассматривавшего зверя.

- Что же натворил ты воин? Ариадна с ужасом посмотрела на тела растерзанных телохранителей отца, которых знала с самого детства.

- Устранил преграду! равнодушно отвечал герой, всё ещё разглядывая Минотавра.

Тиссей чуть дёрнул цепью сковавшего горло Минотавра и тот покорно приподнялся на могучих руках, всё ещё лёжа на животе. Спину животного украшали плевки от слив охранников.

— Это какой-то телёнок! с негодованием произнёс Тиссей. – Где же это видано, чтобы телята пожирали плоть? с железными нотками в голосе произнёс Тиссей.

- Но может эти? Тиссей бросил короткий взгляд на поверженных врагов.

- Эти? Опешила Ариадна, всё ещё находящаяся во власти страха, от вида крови и смерти густо украсивших каменный пол лабиринта.

- Тогда кто? Вновь недоумённо произнёс Тиссей. – И где кости от жертв?

Вдруг Тиссей поднял с пола огурец и с силой ткнул его в пасть Минотавра.

- Жри! – Или клянусь Зевсом! – Жри! взревел Тиссей.

Минотавр спокойно принялся жевать огурец, глядя ласковыми голубыми глазами на Тиссея и Ариадну.

- Телок! проворчал Тиссей, опустив меч, но Минотавр не отводил глаз от злобного взора Тиссея.

- Не смотри так, где это видано, чтобы Спартанец сражался с телятами!

Минотавр, покорно дожидаясь огурец опустился на пол, поджав под себя ладони, совсем как ребёнок.

Одним движением могучих рук Тиссей взмахнув лезвием меча разрубил цепь.

- Иди! – Ибо трава лугов не хуже прогнившего жухлого огурца!

Но Минотавр лишь поднял голубые глаза, кротко посмотрев на Тиссея.

- Убей его! воскликнула Ариадна, вцепившись ногтями в плечи Тиссея.

Тиссей ласково похлопал её по руке.

- У нас женщины готовят мясо! улыбнулся он.

- Убей! – Ты же обещал! воскликнула она.

- Я обещал убить чудовище, но не телёнка! грозно воскликнул Тиссей. – И повторять не стану, вот! Он выхватил из-за кожаного пояса, перепоясывавшего правое бедро, короткий нож и сунул его в руку Ариадны.

- У нас женщины готовят мясо! – удел же мужчин война! жёстко добавил он.

Ариадна, схватив нож опустилась на колени пред мирно лежавшим подле её ног Минотавром, и он снова с лаской и нежностью посмотрел голубыми глазами в её глаза.

- А, а! закричала в слезах Ариадна – Тиссей ради небес, убей его! снова взмолилась она, роняя с лязгом нож.

Тиссей посмотрел на Минотавра, но тот лишь вздрогнул от лязга ножа, упавшего рядом с его ладонью, но не сделал и попытки схватить оружие.

- О, Боги! воскликнул Тиссей, - Неужели ты думаешь, что, раздавив сандалем ужонка, Тиссей будет до седых волос лгать жителям Спарты, что сразил саму Горгону? – О, если бы телёнок взял, ну хотя бы нож! воскликнул воин.

И Минотавр поднял нож, лежавший рядом с ним, и покорно протянул его Тиссею.

- О, Боги! взревел тот, с силой ударив кулаком в стену лабиринта.

И вдруг словно в ответ на стенания Тиссея стены лабиринта стали сжиматься от нарастающего гула, сами собой...

- Сами собой? Наполеон посмотрел на Жюно. – Да, именно, так написано! Жюно протянул свиток Наполеону, словно хотел удостовериться генерала в правоте своих слов.

- Чуть какая! воскликнул Наполеон.

- Мне прерваться? спросил Жюно.

- Нет, далее! Бонапарт поудобнее уселся в кресле.

ГЛАВА – 13

- ГИМИНОФЕСТ –

... Гладь моря, не знавшая волнений с третьей звезды по полуночи, была усеяна смертью! Ибо, отражаясь в глубинах прибрежных вод с юга заходил в лагуну Крита флот Гиминофеста, посланника самого Соро.

Смерть! Тысячами и тысячами стрел низвергала в пропасть бездны забвения тысячи и тысячи тел, Аид пожирал их ради одной плоти, которую жаждали Боги вырвать из рук Крита.

О, Боги! Уже ли одна плоть стоит тысячи многих! О, Боги, почему не услышат уши праведных, треска адова пекла уже опалившего окраины города? Но убийцу тысяч хвалят уста выживших. И поставят ему Обелиски, и внуки убиенных будут петь ему Хвалы! Ибо Вы посадили над многими эту плоть! Так было, так будет на земле.

Но в день этот не будет славы воину Гиминофесту, ибо ему нужна одна плоть, чтобы там, тогда, однажды принести её в руки жреца.

...Таран мощной галеры сокрушил борт соперника, расчищая для армады проход в южную гавань острова Крит.

* «Греческий огонь» в глиняных горшках пожирал пламенем головы и тела нападавших на остров египтян. С Критских галер летели глиняные горшки с «греческим маслом» на египетские суда, сжигая врага до самой кости.

С высоких прибрежных холмов на египетскую армаду летели уже тысячи горящих стрел защитников острова, и столь удачный маневр Гиминофеста, принёсший столько радостей первой атаки египтянам, теперь обернулся если не провалом, то, по крайней мере, сковал их маневр. Теперь сама лагуна не позволяла проявить египтянам численный перевес.

Первая, наиболее мощная галера Египтян с хрустом пробив корпус Критского корабля сама попала в засаду, ибо судно Критов оказалось некой ловушкой для мощной галеры, и та, словно клин, вогнанный в дерево, ни в какую не хотела освободиться, не смотря на все усилия гребцов. Вдобавок ко всему с сотен лодок, таившихся до поры на берегу острова, теперь спустив их на воду полетели на египетские галеры сотни греческих горшков с «маслом». Хотя они и поражали некоторые галеры египтян, но не приносили реальный вред.

* греческим огнем называли и глиняные сосуды с нефтью

Но «бойня», это ли можно назвать морским сражением, была в полном разгаре.

С галер египтян воины в лёгких кожаных доспехах сжимая мечи в руках сотнями прыгали, кто прямо в лодки, кто в воду. Они разили воинов Крита, едва касавшись ногами дна лодки, иные сражались по горло в морской воде, окрашивая лазурные воды лагуны в кровавый цвет, словно давая пищу многочисленным обитателям прибрежных вод, спрятавшимся в ожидании конца битвы!

Бой был столь яростным и ожесточённым, что само солнце, вышедшее из-за вершины гор острова, палило нестерпимым жаром головы нападавших...

- За борт его! – Демоны моря! – Чего вы ждёте! ревел Гиминофест, глядя как по палубе галеры несётся его же воин, зажав лицо руками, горя словно факел от «греческого масла». Воины тотчас подхватит на короткие толстые копья несчастного, словно сноп горящего сена, выбросили того за борт.

- Справа! ревел Гиминофест, и понимая, что крик его тонет в гуле голосов, сам ринулся на нападавших критян.

Единым ударом огромного меча он на двое рассёк голову первому появившемуся из-за борта неприятелю, и тот какое-то мгновение, в предсмертной агонии вцепившись в борт замер на месте, словно статуя демона зла, застывшая в вечных мучениях.

Гиминофест рубил руки цеплявшиеся за борт, он носился по правому борту галеры нанося колющие удары остриём в лица нападавших. Опытный воин, побывавший во многих кровавых стычках, он никак не ожидал такого мощного отпора Критян, да ещё эти горшки с «греческим маслом».

- Боги, адово пекло! ревел он, даже не заметя как запылала от брызг разбившегося глиняного горшка, пурпурная мантия главного флотоводца.

Метнувший в него горшок критянин, присел на корточки, словно затаившись после удачной атаки, но в грудь его вонзилась метко выпущенная стрела из лука телохранителей Гиминофеста.

Флотоводец посмотрел на блистающие на солнце лезвие окровавленного меча, на котором рукой искусного мастера была выгравирована надпись – «Это и есть врата Аида», с каким-то диким криком вновь ринулся на врагов, «но пламя Аида всегда за твоей спиной». С быстротой молнии, словно стрела поражающая противника прямо между глаз вонзилась в мозг Гиминофеста, тысячу раз он вспоминал её, когда мастер говорил ему о ней, когда дрожавшие от страха уста кузнеца перед величием и мощью Гиминофеста, обрывками фраз долетали до его слуха.

- Глупец! – За моей спиной, только вода! смеялся в ответ Гиминофест.

Но теперь он почувал, как огонь сравнимый с адовым пеклом, покрывает нестерпимой болью спину, затылок и ноги.

- А, а, а! зарычал от боли флотоводец. В этот момент он готов был принять в грудь остриё всех копий и стрел критян, чтобы забыться в вечной реке забвения, но вряд ли и её воды охладили бы тело воителя. Теперь уже и руки, и лицо покрывались огромными волдырями, уже и волосы горели словно пакля факела, развивающаяся на ветру. Он сделал шаг к борту, но тело более не слушалось разума.

И никто не осмелился, не добить, не выбросить за борт великого флотоводца. Корчась и извиваясь от невыносимой боли Гиминофест, рухнул на палубу галеры, так и не дотянув пяди до спасительной глади вод, словно пламя Аида захлопнуло за ним врата стальной печи вечности!

ГЛАВА -14

- КАРА -

Огромные стены дворца Кносс дрогнули под первыми ударами стихии и земные недра, возмущённые своей собственной теснотой, низвергли накопившуюся злость лавой чрез жерло вулкана.

- Что это? воскликнул бесстрашный Тиссей, прижимая к своей груди Ариадну.

- Каменные великаны встают из-под земли! только и ответила она.

Рёв рушащихся глыб утонул в страшном шелесте миллиона тон раскалённого пепла, заглушая голоса, как и крики всего живого на острове Крит...

И уже само море, поднимая на вершину пенистых волн тела погибших воинов, разрывала их на части и кидала накатом на прибрежные скалы, других на уцелевшие галеры, рёбрами пронзая днища небольших судов!

А вода, некогда манившая своей лазурью, вдруг вскипела, выпустив из глубин своих чёрно-красные потоки исторгающейся лавы, и кричавшие в ужасе головы уцелевших в бою воинов, поглощая бурлящий кипяток лагуны.

Огромные волны одна за другой помчались ревущей стеной к острову, хватая «руками Аида» всё живое и трепещущее на волнах и разбивая о прибрежные волны даже надежду, подававшую признаки жизни, забрасывая и осыпая оголившееся дно лагуны острыми обломками мачт, вёсел и торчащими огромными занозами смоленных досок.

... Соро, дрожа всем телом от страха видел, как его флот тонет под напором стихии...

- Я вижу собачий лай не приносит плодов Соро! Верховный жрец с презрением посмотрел на него. – А скажи мне: Вот капельки пота на лице твоём, уже ли не признак человека, ибо псы не потеют! Верховный жрец вновь бросил короткий взгляд на всё ещё дрожавшего Соро, и не дождавшись ответа добавил, - Ах, да, слизь! – Жабы тоже выделяют нечто подобное поту, они вечно скользкие от влаги, или вечного страха! Жрец вопреки всему ухватил Соро за шиворот.

- Нет, ты посмотри, смотри жаба, как гибнут твои псы! Жрец буквально ткнул его носом в медное, отшлифованное до зеркального состояния огромное блюдо, лежавшее на золотом столе верховного жреца. Там в огромном зеркале меди, отражалось сражение у острова Крит.

Соро с ужасом закрыл глаза. Но верховный жрец, раскинув руки громко воскликнул:

- Сираз Мах Ра Ом!

И в огромной зале пирамиды в самом сердце которой находились верховный жрец и Соро, вдруг закричали канаты и блоки, удерживающие огромные поперечины балки, числом двенадцать, льняные канаты с надрывом побежали вверх. Но звук их был необычен, ибо они дрожали и изгибались подобно такелажным креплениям судна. Гигантские подпорки стен, вдруг стали изображать своей дрожью надрывающиеся мускулы гребцов, вращая в пазах шум и скрежет движения гигантских уключин, и плеск тысяч касаний вёсел о воду. Стоя посреди залы, жрец и Соро оказались посреди морского сражения, ибо слева и справа от них сражались и убивали друг друга воины! Лязг железа, крики и мольбы своим Богам, сжигались огненным смерчем и закручивались страшной стихией воды. Огненные стрелы, кровь, вопли и стоны умирающих, словно рёв и плачь самой лагуны!

— Вот! – Смотри Соро, вот последствие твоего лая, и ты ничтожная жаба, не способная внушать ужас царям, лаял лестью со звоном золота псам, и те ринулись на добычу, забыв, что они смертные! – Забыв, что псы, домашние вовсе не хуже охраняют своё пойло от их дикого рыка! – А теперь, зачем покойникам золото? – Ибо кто знает, кто же из этих псов доберётся

до своей конуры с добычей? – Но ты так искусно лаял этим псам, ибо только пёс знает язык пса, что те и впрямь поверили, что они вернутся все!

- Я сказал им, что вернувшиеся возьмут с собой всё, даже то, что принадлежит умершим! тихо ответил Соро.

- Умершим? – О, ядовитая жаба! – А чем владели умершие, если не вшами во плоти своей, они что, уже победили домашних псов пируя на Крите? – О, нет, ты раб лжи! тихо добавил Верховный жрец. – Довольно! громко воскликнул он, ударив посохом в пол пирамиды. Оглушительная тишины, настала тотчас!

Оглушительная минута рвала тишиной голову Соро, и тот от неожиданности обхватил голову ладонями, затыкая уши, ибо тишина, наставшая мгновенно, была намного страшнее рёва сражения. Но затем...сама тишина уже не в силах справиться со стихией, порвалась на двое отдав от себя, одну половину рёву моря, другую скрежету и гулу движущихся камней...

- Теперь ты осознал сам, червь у ног моих, что такое любовь! – Что такое привязанность даже к такому уроду, которое создал ты сам! – Из-за твоей прихоти сколько пролилось крови! – Ты не должен любить никого! – Тогда ты будешь достоин жизни!..

ГЛАВА – 15

- ФИЛОСОФ НАПОЛЕОНА –

... - Что скажите вы на всё это, уважаемый философ? Наполеон обратился к одному наиболее знатному профессору, и добавил:

- Директория в Париже рекомендовала вас и аж сто учёных мужей взять в египетскую экспедицию! – Инженеры, техники, исследователи, художники, и я жажду от вас получить знаний, древних знаний и тайн!

- Мой генерал, смею вас заверить, мы сделаем всё, что в наших силах и более...! – И я хочу...

Наполеон приподнял руку и в огромном шатре главнокомандующего воцарилась тишина.

- Давайте продолжим у меня в ставке, ибо я многое хотел бы услышать, прежде чем узы Морфея отяготят мои очи, а ведь уже скоро утро! И Бонапарт первый покинул присутствующих.

.. Молодая заря поднимала алой полосой тяжёлый горизонт ночи, освещая розовой лентой далёкие барханы Египта! И вот уже чёрных псов коснулись золотые лучи Солнца, и лёгкая пыль поднимаясь от дуновения утреннего бриза заиграла многоцветием отражений, кружа диковинные танцы над песчаными волнами загадочной страны.

... - Мой генерал, перед нами явно очень загадочные и интригующие события древности. Довольно чётко просматривается описание Критского землетрясения, погубившее ту удивительную цивилизацию.

- Профессор, я это и сам понял! Бонапарт, сдвинув брови к переносице воскликнул, - Чёрт возьми! – Откуда она взялась эта цивилизация?

- Если верить этому свитку, то получается... начал было говорить профессор.

- А получается, дворцы, дороги, письменность, откуда всё это? – Откуда посреди Средиземного моря, в сущности, на крохотном острове, да ещё под боком Египта и Греции, флот, армия, да ещё дань с греков под страхом якобы чудовища Минотавра?

- Поверьте, мой генерал, что мои знания о царе Миносе, оскорблены чудовищной догадкой о каких-то манипуляциях мошенников. Всё это переворачивает моё сознание, Минотавр – огурец...

- Я вам не о огурцах спросил!

- Я думаю, мой генерал, что может быть Египет, с одной стороны, рассчитывал защитить себя от Греции, а Греция от Египта некой буферной зоной, как раз разделяющей оба государства...

- Да, профессор, видимо шок имеет свои последствия для вас! – По-вашему получается, что те и другие создавали себе третьего врага, да ещё снабжали его всем необходимым, каждый сколько мог!

- Профессор! – Они же общались! – И где же соцветие, так сказать, сплетение греко-египетских культур? – А письменность? – Смотрите, смотрите – это не греческая и не египетская!

- Всё это должны объяснять вы мне, а не я вам!

- Мой генерал, позвольте...

- Не позволю! – Я буду задавать вам вопросы, а вы и ваши собраты по перу и бумаге будете искать ответы...

- Ищите ключ к Египетской письменности, мне важно знать, что написано на стенах пирамид, на папирусах и табличках! – Что за свитки найдены в пирамиде Фараона Уноса? – И как

попали к нам вот эти свитки, которые мы с вами читаем, кто их оставил, и почему мы их с лёгкостью читаем?

- Дорогой Бонапарт, эти свитки были обнаружены в пирамиде Уноса и им не более ста лет! – Как сами древние свитки пирамиды, имеют тысячелетние исчисление! И столетние свитки написаны на древне-галльском, то есть на языке древних друидов, и мы их легко читаем! – И не побоюсь этого выражения, но они как бы написаны для вас, мой генерал, это какая-то чертовщина!

- Ладно профессор, ступайте! – Мне жаль, что у вас только одни вопросы, без ответов!

Жюно! воскликнул Наполеон, - Позови мне того Рыжего бородача, который кичился своими познаниями древних. – Я хочу, чтобы он прочитал вот это, и ещё о зеркале мира, и это... словом поторопись и присоединяйся к нам.

Наполеон выплеснул в камин остатки вина и пламя, чуть угаснув, вдруг вспыхнуло с новой силой. – Свитки, свитки для нас!

ГЛАВА – 16

- ТАЙНА ПИРАМИДЫ -

...Топот мощных ног сотрясли сплошной песок пустыни, где теперь стояла пирамида Хифрена. Свист и удары бичей погонщиков гнали «нечто» на смерть. И эти существа фыркали и огрызались неведомым доселе странным рёвом со свистом и шипением одновременно. Иные с острым клювоподобнымлицом пытались шарахаться из стороны в сторону. Но всякий раз, когда бич не в силах был укротить их бушующую плоть, огромные, медные зеркала, выстроенные вдоль дороги и переносимые по ходу их движения, сразу укрощали загадочно-багровым светом их разъярённый пыл.

Они были все разные, словно бы невидимый творец показывал свой товар, но «эти» были обречены стать жертвой вечности. Кто же творец...?

Мускулистые руки иных, были покрыты чешуёй, подобно куриным лапам, не знающих перьев, кожа других, складками висела вдоль боков, щёк, лба и полностью закрывала когтистые лапы.

Но иные! О, Боги, не сладость ли нектара небес при веселье вашем создала такое, ибо ли может разум, даже безумца, видеть сие! – Огромный, бесподобный паук, едва перебирая своими драконьими лапами, нёс свое необычное туловище по пыльной дороге. Кожа его была подобно крокодилей, с жёстко торчащей щетиной, доходившей до диковинной пасти, с торчащими клыками и многими сотнями зубов, торчащих ото всюду, подобие языка имело присоски, также увенчанные зубами. И довершали картину, с десяток хвостов, свисавших со всех сторон! Это ужасное «нечто» изредка останавливалось и присаживаясь на задние хвосты, издавало душераздирающий рык подобный дикому урагану, налетевшему на сухой лиственный лес, тряся при этом странной головой, как бы ища не то жертву, не то спасение.

Войдя в огромный загон из зеркала, возле самой пирамиды, каждое из существ как бы застывало, ожидая своей участи, так как рядом в огромных чанах, рабы уже варили смолу – битум.

С десяток жрецов молча застыли белыми тенями, наблюдая за происходящим и медленно перебирая каждый в руках диковинные рубиновые чётки, с таинственными знаками судьбы на каждом камне!

Жрецы дали невидимый глазу сигнал и дюжие, иссиня-чёрные слуги огромного роста, созванные с дальних уголков Северного Египта, завращали в руках стальные топоры «вечности», словно сама вечность вручила им это оружие.

Спустя мгновение, чавкающие, гулкие звуки рубленной плоти, предала вечному забвению заливаемая смола. Вместо похоронных, заупокойных песен плачущих сердец, лишь только вонь от битума, которым заливали разрубленные останки страшных существ...*

И надпись проклятия предала вечному забвению всё, что когда-то произошло.

... Здесь в саркофаге вечности находится то, что вас смертные видеть нельзя, ибо очи ваши ввергнут разум ваш в безумие, и если душа и выдержит увиденное зло, то сердце ваше окаменеет от страха.

... Ибо очи могут увидеть здесь лишь ужас зла, не касайся зла не коснётся оно плоти и разума твоего...

* исторический факт (история пирамид)

ГЛАВА -17

- СНЕГ ПУСТЫНИ –

... Войско экспедиционного корпуса под командованием генерала Бонапарта Наполеона двигалось походным маршем по направлению на Юго-Восток на Сивы. От нестерпимого зноя впервые Наполеон разрешил своим солдатам «А дюнфе» расстегнуть свои парадные кители гренадёрских полков, они шли расхлябано, вопреки строгой воинской выучки старой Европы.

Наполеон нервничал, ибо мокрые от пота лица бригадных генералов Ланна, Мюрата и Даву, их унылые гримасы, серые от пыли белые перчатки, которыми они теребили шитые золотом воротнички генеральских мундиров, наводили невыносимую тоску на сердце воинствующего Наполеона. Теперь всё, всё раздражало главнокомандующего.

- Чёрт возьми! – Это та же самая армия крестоносцев цивилизованной Европы, которая закованная в броню, семь веков назад преследуя дикаря Салахутдина, постепенно снимала боевые дорожные доспехи под натиском жары!

- И чем это закончилось!

- Вам жарко Евгений! Наполеон злобно посмотрел на одного из своих любимцев, Евгения Богарне.

- Да, мой генерал! хрипло ответил тот, теребя ворот мундира, расстегнув его ещё на одну пуговицу.

- Вы сударь, смеете оголять грудь в присутствии главнокомандующего? – Тогда снимите и портки! не дождавшись ответа, Бонапарт, прищипорив коня помчался прочь.

... - Знания! Вечность! Нужно ли всё это потным, грязным, остервеневшим от жары солдатам?

Наполеон с недовольством объезжал двигавшийся вперёд грязный, усталый сброд солдат. Вдруг он заметил некую странность, ибо лично ему стало холодно, холодно невзирая на ярко светящее солнце, он ещё раз бросил взгляд на марширующие роты и посмотрел вперёд.

Там в ясной дали горизонта виднелся белый песок, который обычно украшает берега дивных океанских лагун с живописной природой! Но эта странная хлопьями пыль, поднимающаяся серыми клубами, разрывала сравнение! Ведь за странно блистающими холмами белого песка, замелькали первые кончики неприятеля, мельтешившие вдаль, то справа, то слева, словно маня войско в ловушку.

- Кавалерия! громко воскликнул генерал, помчав коня прочь.

Немыслимо! Но его голоса никто не послушался, и даже чуткий к голосу Наполеона Евгений Богарне молчал.

- Вы слышите меня! – Залп! – Дайте залп! Буквально ревел Бонапарт, но первые колонны пехоты уже поравнялись со сверкающими барханами песка.

- Бертъе! Ревел Наполеон трясая за грудь своего начальника штаба. – Вы слышите меня?

Но тот, с окаменевшим лицом молча смотрел вперёд, словно чеканный профиль золотой монеты.

Наполеон с силой повернул голову Бертъе к своему лицу, ухватив его за жёсткую щетину бакенбардов.

- Бертъе!...В ужасе, как-то сдавленно прошептал Бонапарт, ибо увиденное повергло его в шок.

Левая височная кость Бертъе была проломлена шрапнелью неприятеля, кожа, сорванная едва ли не с половины черепа, висела кроваво-синим слоем до самого эполета генерала, но тот не проронил ни звука!

- Бертъе! Взревел вновь Наполеон, и тотчас услышал топот копыт коня за спиной. Наполеон обернулся.

- Боже мой! прошептал он, осматривая любимца Жюно с головы до ног.

Окровавленная кисть правой руки Жюно висела буквально на ниточке сухожилия, было совершенно не ясно, как же он управлял конём, к тому же его левый глаз стекал по щеке зеленовато-бурой слизью, уродуя до селё прекрасное лицо друга. Правая сторона скулы несчастного была разрублена саблей так, что белоснежные зубы блистали на солнце, а правая нога болталась словно пустое стремя.

- Что за лицедейство вы устроили? в бешенстве вскричал Наполеон, вскинув саблю и как бы грозя самому солнцу – Чем вы меня опоили? – Ведь этого не может быть! – Не может быть! Зарыдав, Наполеон опустился на колени и посмотрел вновь на Жюно, мундир и треуголка которого уже была густо усыпана белоснежными хлопьями «песка», блиставшего на солнце, словно капельки льда.

Наполеон, словно уколотый в спину тотчас обернулся назад, потеряв Жюно из виду.

- Боже! громко воскликнул он, ибо войско шедшее впереди увязало в песке едва ли не по колено, а передовые отряды по грудь, но тем не менее, они шли вперёд!

И вдруг силясь воскликнуть – Назад! Наполеон забрался в седло, но то, что увидели глаза его, отказывался в это верить разум.

Огромные белоснежные колонны вырвались с рёвом из белого песка, колоссы сопоставимые с вершинами гор, с пышными золотыми вершинами, в виде золочённых маковок церквей могуче закачались среди знойной пустыни Египта, а между оными маковками церквей забушевали стены огня! И войско его, те, что ещё не потонули в песке, теперь шли и шли в ревущие стены огня.

- Бог мой! опешил Бонапарт, и в тот же момент с обочины дороги на него посмотрел толстый, одноглазый карлик, никем не видимый кроме него одного! И произнёс фразу на непонятном, но почему-то ясном одному ему языке:

- Россия, Елена!

Наполеон пытался переспросить карлика, что сие означает? Но почему-то в этот момент Бонапарт явственно почувствовал во рту горечь коньяка, и что же всё это...

- Россия, Елена! громко воскликнул Наполеон.

- Что с вами мой генерал? Жюно потряс главнокомандующего за плечо.

Взмокший от холодного пота Наполеон впился глазами в своего любимчика и улыбнувшись спросил:

- Что-нибудь нашли?

- Мой генерал, передовой отряд вернулся ни с чем, кроме песка и пустыни там ничего нет! чётко доложил Жюно.

Наполеон посмотрел на него, - Вы не ранены?

- Что? И Жюно заботливо прошептал, - Прошу вас генерал, меньше читайте эти свитки, это же деревенские сказки, но только Египетские!

- Что с Бертъе? Наполеон вперил взгляд на Жюно.

- А что с ним? опешил тот. – Если шампанское и вредит египтянам, то французам от него лишь веселье!

- Я корсиканец Жюно! злобно произнёс Наполеон. – Пусть зарядят пушку двойным запахом напротив каменного идола, но факел возьму я сам! – И не будите Бертъе! – Вечность, вечное, дикарские штучки! – Пирамиды Носсера, Хеопса или Хефрена, не всё ли равно! Наполеон злобно натягивал сапоги. Он сам облачился в форму без посторонней помощи, ибо был в ярости от сна своего.

- Свитки вечности! – Великие знания! – Ну погоди же, мерзкая дрянь, если тебя и величают вечностью, то я плюну тебе в лицо! Наполеон схватил в правую руку горящий факел и вдруг в огромном зеркале отразился его силуэт, и он отдал факел.

- Откуда это зеркало? чуть опешив, произнёс он, посмотрев на Жюно.

— Это? Оно принадлежало королеве Марии Медичи, так сказать, наследие королей! Дикарей! исправил его Наполеон. И Жюно пожав плечами, утвердительно кивнул головой.

- Ладно, идите Жюно! Наполеон, видя, как тот вышел, чуть задержался у зеркала.

- Странно! подумал он, глядя на конфигурацию ножек зеркала, в виде уродливых бесов.

- В нём я совсем карлик!...- Карлик!

- Карлик! прозвучало в голове, вопреки его воли.

Взяв в руку саблю, Наполеон направился к пушке, нацеленной на Сфинкса.

ГЛАВА – 18

- СФИНКС –

... - Кто, кто ты? взревел Наполеон. – Я вопрошаю тебя! – Где же твои жрецы? – Где и в чём твои тайны! Наполеон в ярости развёл руками, как бы приглашая Сфинкса осмотреться. – Ты, хранитель вечности? – Уже ли вечность есть – дикие пески? – Там, на севере песков не меньше, чем здесь! – Так в чём же мудрость твоя здесь?

- Или ты чучело льва?

- Нет скажи, ибо чем лучше чучело, набитое камнем, чучело набитого опилками?

- Ты мудрее?

- Ну где? – Где эта армия карликов, охраняющая тебя? – Где? – Где диковинные звери, о которых лгут ваши свитки! – Где это всё?

- Молчишь! – Ибо уста твои камень, сердце камень и плоть мертва!

- Кто воздвиг тебя среди песка? – Уж не тот ли безумец, что возомнил себя богом! – Богом, исчадь ада!

- Ты есть чучело, манящее ротозеев в дешёвую лавку древностей, рвань и голь алчущей хоть как-то показать своё величие и знание!

- Что молчишь? – Ты хочешь, чтобы я плюнул в лицо вечности, так и не открывшей тайны своей?

- Или ты каменный хранитель вечности хочешь узнать, чем моя рука отличается от руки раба, который лишь способен подносить дары?

- Запомни истукан, что моя рука способна низвергнуть тебя в ту же вечность, только прежде превратив тебя в пыль!

- Ты слышишь меня, карлик! и Наполеон сам от удивления вскинул брови.

Карлик – это слово вновь и вновь звучало в его голове.

- Жюно, подай факел!..

ГЛАВА – 19

- КНИГА МЁРТВЫХ –

... И спадёт с небес боль моя, и терзает кости мои, и бьёт когтями ада вечные страдания мои, о Боги, почему вы так жестоки к костям моим, ибо что знала спина моя кроме тугой кожи плети разящей.

И только камень рыком льва, оставляет мучения мои вечным пескам...

- Какая же чушь! Наполеон в гневе разорвал свиток нервно отбросив клочки его под ноги.

- Евгений! – Богарне! повторил чуть громко Наполеон.

- Я слушаю Вас, мой генерал! Евгений наклонился к самому уху Наполеона, словно оттуда и должен был звучать приказ.

- Нынче ночью, вы разобьёте мой шатёр в пустыне и ...! Наполеон, повернув голову, пристально посмотрел в глаза Богарне.

- И никакой охраны! Грозно добавил он.

- Но, мой генерал! удивлённо и чуть испуганно пытался возразить Богарне.

- Я повторяю вам! Бонапарт нервно вздёрнул голову – Ни вас, никого либо ещё, я не желаю видеть нынче ночью. – Я! – Песок! – И этот...! Наполеон едва взмахнул белой перчаткой в сторону Сфинкса.

- Кто? опешил Богарне.

- Сфинкс, если вам угодно, и причислите туда звёздное небо, и надеюсь, вы не собираетесь меня охранять от самих небес? грозно воскликнул Бонапарт.

— Это невозможно, мой генерал!

Наполеон улыбнулся. – Тем более, что лучшее средство защиты от мрака ночного, неба – мрак могилы, не так ли друг мой...

...Звёздная ночь расплескала тишину чёрного покрывала над пустыней.

Звёзды горели так, что казалось чья-то могучая и немыслимо огромная рука держала там, в бездонной вышине, гигантский масляный светильник над стёртым до дыр бедняцким покрывалом чёрной ночи.

Наполеон долго стоял около входа в шатёр, рассматривая звёздное небо, призрев тишину и спокойствие Сфинкса.

- Сириус! прошептал Бонапарт, не спуская взгляда с яркого звёздного света. Но вдруг ему показалось, что самая яркая звезда созвездия Сириус, как-то странно покачнулась и начала медленное, но уверенное падение с небес.

- Что это Боже? удивлённо прошептал он, не отрывая взгляда от падения звезды, и та, словно внимая мыслям Наполеона опускалась всё ниже и ниже, и вот когда уже казалось бы, что ей пора остановить падение, ибо вот-вот мог кончиться небосвод, она чуть задержалась в мерцании падающих звёздочек, по которым влюблённые обычно загадывают желания, и звезда с Сириуса искала как бы свою звёздочку, и мгновение помедлив она нашла её, и они обе, на расстоянии ладони, поплыли в падении на землю, словно вцепившись друг в друга невидимой связью.

Наполеон от неожиданности протёр глаза, воскликнув, - Чушь какая, быть не может!

Но в звёздном небе вдруг появилась едва заметная, бледная полоса света, да и не света вовсе, казалось, падая, две звезды сдирают черноту мрака с ночного неба, чуть придавая ему теперь уже сероватый оттенок.

- Что это? Наполеон вновь всматривался в небо. Ему стало отчётливо видно, что чёрная полоса, по которой падали звёзды, едва заметно дрожит на ночном небе, и медленно, но уверенно спускается на землю в самое сердце пустыни.

- Бог мой! громко воскликнул он, и войдя в шатёр поспешно нацепил саблю сунув за пояс два пистолета – чёрт возьми, зачем это мне? И Бонапарт посмотрел сквозь приоткрытый занавес шатра в ночь пустыни.

Там далеко в песках, где опустились две звезды, занималась гигантская песчаная буря, валами песка, выступавшего вперёд, подобно огромной волне моря. Этот огромный вал двигался сюда, где стоял его шатёр.

О, если бы Бог сбросил с неба гигантский фрегат, не иначе поднялись бы не меньшая пыль из песка, но Боже, где же твой парус! вскричал Наполеон, выходя из шатра.

И там, в глубине ночи почти по самой линии горизонта навстречу ему, в ужасающих своей страшной мощью облаках клубящегося песка, шли, именно шли две звезды.

- Боже мой, да это же глаза небесного, ночного дракона! Наполеон от неожиданности осознав опасность происходящего уцепился за рукоять сабли. Но дракон и не думал идти к нему. О, нет, чёрное огромное животное, истово мотая песчаной головой со светящим звёздным светом глазами, принялось топтать песок!

Оно рычало порывами ветра, оно извергало рёв воем бури, оно поднимало клубы песка до небес, топая огромными колонно-подобными лапами, топча и топча песок.

- Что же это! громко вскричал Бонапарт, и тотчас до его слуха донеслись дикие от боли человеческие крики из самого сердца пустыни.

Ветер и струи песка, словно услышав боль, устремились на крик.

Бонапарту казалось, что все змеи, пауки и скорпионы пустыни, гонимые струями песка, спешили на адов пир. Он явно видел потоки тварей со всех уголков пустыни, прятавшихся днём в барханах и расщелинах пирамид. И вдруг он ясно осознал, «что» топчет дракон!

Тысячи и тысячи рук вырывались из плена песка, словно пытаясь защитить себя от лап дракона, тысячи и тысячи ртов молили о пощаде, тысячи и тысячи глоток в крике ужаса раздирали душу Наполеона отчаянием невыносимой муки. И тысячи, и тысячи тварей врывались в раскрытые рты несчастных, впиваясь острыми жалами и зубами полными яда, в обречённые мучительной пыткой глаза.

Через мгновение, казалось, что зверь топчет уже океан из человеческих рук, а плач и визг несчастных заглушали порывы ветра пустыни, и нет больше сил терпеть неистовство дракона.

Но! Всё стихло в едином порыве, так же, как и началось, словно сама тишина, как внешние потоки вод смывают остатки серого льда, смыла и рёв ветра, и крики мук.

Ибо каменный лев встав на могучих лапах грозно посмотрел на дракона. И тот издав последний рык, нагнув голову с горевшими глазами, натужно воспарил в небо покинув землю, всё выше и выше устремляясь в мглу песчаной бури.

Каменный лев с достоинством величественного хищника, вновь опустился на землю, замерев в величественной позе древнего Сфинкса.

- Ты охраняешь их покой, покой мёртвых?! Наполеон пристально посмотрел на льва.

Но в ране, нанесённой им самим, Сфинксу, он вдруг отчётливо увидел, словно в глади озера, сражение его же войск.

— Вот, вот же канониры третьего пехотного полка толкают застрявшие колёса мощной пушки! – Ах, генерал Боне, что вы делаете?

Жюно истекая кровью от ранения, бил и бил стеком солдат, ускоряя их, торопя вытянуть оружие из топяной ловушки, а сверху прямо на их головы, спины, тела, падали, словно с небес ядра пушек неприятеля, превращая их в кровавое месиво, оставляя в топи болот навсегда.

- Не смейте бить солдат, Жюно! тихо шептал, оторопев Наполеон. – Они и так ничего хорошего не видели, кроме крови, увечий и призрачной славы сражений!

- Не смейте, вы слышите меня! грозно воскликнул он.

Затем рухнув на колени в песок, обхватив голову руками беззвучно заплакал. Под самое утро, когда Бонапарт стоял спиной к разодранному ветром некогда величественному шатру. Он неожиданно воскликнул, глядя в лицо Сфинкса.

- И меня ты будешь оберегать от лап дракона?

В какой-то миг ему показалось, что ветер сорвав части шатра унёс далеко в пустыню его величие, величие самого Бонапарта главнокомандующего, генерала, и он спросил ещё раз.

- Да или нет?

И вдруг в голове Наполеона прозвучало явственно и чётко.

- Я не в силах защитить того, кого упокоит пьянящая нега воды^{*}!

- Что? – Повтори! – Не может быть! – Я утону! – Но где? – Почему? – Не молчи, чёрт бы тебя побрал! – Не молчи! – Не смей молчать!

С первыми лучами рассвета, когда волны песка от бушевавшей в ночь бури, лежали на поверхности пустыни, словно рёбра разбросанные там и тут, Наполеон подошёл к самым лапам гигантского Сфинкса, и ему чуть дрогнувшему всем телом от напряжения ночи, вдруг показалось, что в движении песка, огромный каменный лев выпустил и мгновением убрал гигантские когти.

- О, Боже! недоуменно воскликнул Наполеон Бонапарт...

ГЛАВА – 20

- ПИРАМИДА УНАСА –

... Проснувшись и побыв на полуденном солнце Египта, Бонапарт изнывал от жары, прошедшая ночь изменила его мировоззрение, он и сам почувствовал, что стал другим. – В одну ночь! воскликнул сам себе Наполеон.

- Генерал, вам что-нибудь нужно? обернувшись Наполеон увидел своих любимцев, штабистов Жюно и Богарне, и улыбнувшись им сказал:

- Пригласите ко мне профессора, господина Фуке, я хочу посетить пирамиду Уноса!..

... Пирамида встретила Наполеона неведомой ранее загадочной красотой и дивной сочностью красок. Он был шокирован неожиданной насыщенностью пирамиды, и крутил головой, словно ребёнок, попавший в волшебный замок чародея.

* Наполеона похоронили в гробу залив коньяком

Сопровождающие Бонапарта зашептались, ибо его горевший необычайным светом взгляд, тревожил их. Они никогда не видели генерала Бонапарта таким, он просто кидался от стены к стене, трогая дрожащими пальцами рельефные и необычайно насыщенные тона красок, шепча себе под нос какие-то слова, словно он вступил в диалог с кем-то невидимым.

- Что это? и Наполеон устремил свой взгляд в отверстие под самым куполом пирамиды.

- Резонатор! раздался глухой голос вздрогнувших стен, словно невидимый великан зашептал заклинание над небольшим блюдцем озера, шепча над водой свои тайны, и та, услышав сокровенное, понеслась мелкой рябью к берегу.

Вдруг вставшая в мыслях картина осыпалась прахом, возвратив Наполеона к реальности, рядом стоял жрец пирамиды Уноса.

- Что такое резонатор? устремив в высь свой взгляд спросил Наполеон.

- Здесь, как и в других пирамидах присутствует зала Царя и Царицы! жрец говорил каким-то гортанным, булькающим голосом, но профессор Фуке быстро переводил, восторженно кивая головой и что-то записывая в своей тетради.

- Связь с небесными светилами осуществляется через эти резонирующие отверстия, которые пропускают сюда именно Свет созвездия Ориона! Жрец замолчал, видя улыбки окружающих.

- Пусть продолжит! Наполеон всё слушал молча, наблюдая за отверстием для Света.

- Пирамиды и канал великого Нила выстроены так, что на земле отражают небесную карту звёздного пояса под созвездием Орион!

Фуке взяв платок начал вытирать вспотевший лоб и лицо, поглядывая на Наполеона, словно примеряя на свой лад, понял ли тот, хоть слово о чём говорит сумасшедший жрец?!

- Генерал! не выдержал Фуке. – Этот старец хочет сказать, что древние египтяне поклонялись созвездию Орион, и ловили через это отверстие сияние далёкой звезды, словно общались с ней мысленно! – Дикий, необразованный народ! закончил профессор.

- Пусть говорит! Бонапарт стоял неподвижно.

- Атлантида, атланты – это часть Ориона на земле! – Они были посланцами Ориона и в Атлантиде были такие же пирамиды с резонаторами!

- Он сумасшедший! воскликнул Фуке.

- Они оставили после себя жрецов, а те в свою очередь плеяду учеников – посвящённых!

- Этот сумасшедший бормочет, что он общается с мёртвыми, с Атлантами! – Что здесь проходили посвящение Орфей и Пифагор, и даже с Платоном он знаком! Фуке вперила ошарашенный взгляд в Наполеона.

- А теперь все оставьте меня! и Бонапарт, заложив руки за спину начал раскачиваться на каблуках.

- Что??? растерявшись, пролепетал Фуке.

- Потрудитесь все выйти вон! жёстко воскликнул Наполеон.

Прислушиваясь к удаляющимся шагам, он вдруг закрыл глаза наслаждаясь тишиной, мысленно внимая свет, пробивавшийся через отверстия в потолке и едва приоткрыв глаза, как там в дали, где-то в северной части пирамиды, на него смотрело «нечто». Наполеон, скрестив руки на груди демонстрируя свое самообладание, так же пристально посмотрел в угол с игрой теней.

Огромное метров шесть или семь существо встало из тени и направилось прямо на него! Но Наполеон, не теряя самообладания потянулся к сабле, висевшей у него на правом боку.

Он внимательно разглядывал Титана, шедшего прямо не него, ему чётко и ясно была видна каждая чёрточка могучего тела Гиганта, каждый мускул.

- О, нет! громко воскликнул Бонапарт, ибо в огромных мышцах груди Атланта, он увидел нечто знакомое ему с самого раннего детства.

Наполеон никогда не отличался от сверстников ни габаритами тела, ни силой, он чаще проигрывал в потасовках, чем наоборот, и ему хотелось, очень хотелось быть сильным, быть могучим, как те самые статуи греческих атлетов, красовавшихся в музеях Франции, куда когда-то привела юного Наполеона гувернантка.

- Да, да, да! – Чёрт возьми, это он! громко воскликнул Бонапарт.

— Это те самые мои юношеские воспоминания, иллюзии детства не более! Наполеон вдруг ясно понял, - Надо смотреть боком, краешком глаза, почти ресницами, о хорошо бы зеркало! И в этот миг, ему открылось нечто, нечто изменившее не только его судьбу, но и судьбу Европы...

Белое, сине-белое облако висело над острым куполом пирамиды, оно дышало словно сердце человека, билось в такт его пульса, меняя цвет то в розовое, то в совершенно чёрное, в зависимости от частоты ударов.

Два острых и длинных луча пробивались до самого пола пирамиды, пронизывая два тела насквозь, через темя до самых ног. Именно так. Ибо один из несчастных раскинув руки словно, в распятии, висел в воздухе пронизанный белым светом в виде копья. Он крутился на свете «древка», но легко, словно бы облако старалось сгладить мучения человеческого тела, сгладить белым, нежным светом, взамен чёрного древка света, так же крутившегося над полом второго тела.

Из белого, светлого луча в голову первого тела сбегали ручейком странные картины диковинных аппаратов и машин, какие-то знания и мосты, стальные птицы, парящие по небу, как теперь парившие по свету луча, огромные корабли со странными, словно мельничными жерновами на корме, и музыка! Чарующая душу музыка, странные кареты гигантских размеров и многое совсем непонятное, но движущееся.

Наполеон перевёл взгляд на второе висящее в воздухе тело, и он не мог чётко определить, что именно гремело и вгрызалось словно ядра в чёрном свете пронзающего тело незнакомца. В его голову, как в пропасть ада слетали флаги, армии, гербы империй и флот, некогда могучих держав под взрывы и вой странных орудий, поглощавших людей, страны и целые державы!

- Нет! громко воскликнул Наполеон падая в беспамятстве...

На следующий день, оставив войска, Наполеон вернулся во Францию, спустя время разогнав Республику и директорию он провозгласил себя Императором!..

Теперь же Император, Наполеон в сопровождении свиты прогуливался по спящему Парижу, как бы осматривая владения теперь своей уже Империи.

Он от чего-то остановился около дверей совсем маленького храма на окраине Парижа, и чуть наклонив голову прошептал. – Чей это храм Гейом?

- Всё что во Франции теперь принадлежит вас, мой Император! тотчас ответил тот.

- Я спрашиваю, какой это храм! сонно уточнил Наполеон.

- Православный! тотчас отозвался Гейом. – Греческой Православной церкви, ваше Величество! уточнил он.

Наполеон, слабо разбиравшийся в этих тонкостях, хотя и не плохо знал Библию, но был всё же мало верующим человеком, тем не менее вошёл в храм.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.